

Роберт Б. Райх

РАБОТА НАЦИЙ: НА ПУТИ К КАПИТАЛИЗМУ XXI ВЕКА *

Государственная идея

Мы переживаем сейчас период перемен, которым предстоит перестроить политику и экономику приближающегося XXI столетия. В мире больше не останется ни национальных изделий или технологий, ни национальных корпораций, ни крупномасштабных национальных производств. Не будет больше и государственных экономик, по крайней мере, в обычном для нас смысле этого слова. В пределах государственных границ останутся только люди, составляющие население данного государства. Основным и исходным состоянием любой страны будут умения и идеи ее граждан. Главной политической задачей любого государства станет адаптация к центробежным силам глобальной экономики, разрывающим связи, которые объединяют его граждан, силам, наделяющим все большим богатством самых умелых и проницательных, но обрекающим наименее квалифицированных на соскальзывание ко все более низкому жизненному уровню. По мере исчезновения экономических границ граждане, которые имеют наибольшие шансы на мировом рынке, окажутся перед искушением отказаться от уз лояльности к государству, отделяя себя тем самым от своих менее счастливых со-

* Отрывки из книги Robert B. Reich. *The Work of Nations. Preparing Ourselves for 21st-Century Capitalism.* Alfred A. Knopf. New York, 1991.

течественников. Моя задача — описать эту экономическую трансформацию и тот политический вызов, который она с собой несет.

* * *

Мы постоянно слышим о валовом национальном продукте, национальном торговом балансе, темпах экономического роста народного хозяйства, об уровне накоплений в государстве, о национальном уровне безработицы, ценности национального богатства, прибыльности национальных корпораций. Политики, находящиеся у власти, с гордостью ссылаются на какие-то из этих показателей, а претенденты на их должности негодуют по поводу каких-то других (а иногда тех же самых). Все это уже превратилось в национальный спорт. Каждый новый набор данных порождает очередную волну гаданий о том, хуже или лучше идут наши дела, опережает ли нас какая-то другая нация или же вперед вырываемся мы сами, и что все это значит для нашего экономического будущего. На телеэкранах появляются многочисленные персонажи, в том числе и автор этой книги, которые с внушительным видом выдают не подлежащие ни малейшему сомнению ответы на все эти вопросы. Оптимисты постоянно указывают на ободряющие признаки. Посмотрите на количество новых рабочих мест! Восхититесь всеми этими небольшими предприимчивыми фирмами! Изумитесь количеству новых патентов в таких экзотических областях как моноклональные антитела и цифровая оптика! Возгордитесь масштабами иностранных инвестиций, текущих благодаря этому в нашу страну! Экономика процветает как никогда раньше! Пессимисты привлекают внимание к негативным тенденциям. Восплачьте о сокращении наших производств! Скорбите о нашем торговом дефиците и непомерном внешнем долге! Ужаснитесь, что иностранцы захватывают наши национальные богатства! Экономика разрушается буквально на наших глазах!

Кто здесь прав? Обогащаемся мы или беднеем? И куда мы движемся?

Ответы зависят от того, что именно понимать под словом "мы".

В основе всех подобных споров лежит предположение о том, что все жители страны находятся в одной большой лодке, имя которой национальная экономика. Конечно, у них разный уровень доходов (некоторые наслаждаются жизнью в просторных каютах, другие теснятся на палубе). Однако все мы обитаем и движемся вместе. И богачи, и бедняки, и люди со средним доходом пользуются благами национальной экономики, когда она находится на подъеме, и все мы страдаем от последствий экономического упадка.

Принято считать, что судно американской национальной экономики управляется многими людьми: это президент США, председатель Совета правления федеральной резервной системы, несколько тысяч главных управляющих крупнейшими американскими корпорациями, руководство профсоюзов. В дополнение к этой центральной группе существуют еще и управляющие американскими компаниями меньшего калибра, вкладчики и "рисковые" капиталисты, а также великое множество ученых, изобретателей и предпринимателей. Американцы зависят от этих "лоцманов", коллективная мудрость, предвидение и честолюбие которых делают возможным процветание нации и препятствуют застою ее экономики. Разумеется, прочие американцы должны ревностно исполнять свою долю обязанностей. Всем надлежит усердно работать, как можно больше откладывать впрок и воспитывать потомство в духе трудолюбия и бережливости.

Эта метафора с легкостью переносится и на другие суда, одно из которых называется Японская Экономика, второе — Экономика Германии, третье — Южнокорейская Экономика и т.д., пока не исчерпается список всех существующих на Земле стран — в совокупности они составляют мощный флот национальных экономик, плывущих в одних и тех же океанских водах. Скорость и безопасность каждого корабля зависят от скорости и безопасности всех прочих (необходима какая-то координация, чтобы превратить взаимные столкновения или совместное

сидение на одних и тех же мелях, а кроме того от обмена товарами с другими странами возникают ощутимые выгоды), но в то же время ни от кого не секрет, что каждое судно состязается со всеми прочими во всемирной гонке за экономическое превосходство. Корабли, лидирующие в какой-то исторический период, могут затем попасть в число отстающих. Это означает, что мы никогда не должны терять бдительности.

Именно так или в этом духе и америкацы, и многие другие люди во всем мире воспринимают совместное экономическое существование. Национальный экономический рост объявляется средоточием интересов общества, а процветание национальной экономики — всеобщим благом. Мы все повязаны — если не угрозой со стороны иноземного хищника, то по меньшей мере, общей экономической судьбой. Каждый из нас полагается на экономические доблести собственной страны, которые, в свою очередь, зависят от эффективности развития и мобилизации национальных ресурсов.

Единственными достоинствами такого мировоззрения являются его ясность и успокаивающая понятность. Проблема, однако, в том, что эта картина попросту неверна.

* * *

Лишенные памяти, мы — вместе с Сантаяной — обречены на повторение ошибок прошлого. Однако если мы будем чрезмерно полагаться на воспоминания, то это может в равной мере ослабить наши усилия. Фиксируясь на былом, мы можем перестать воспринимать настоящее, теряя тем самым способность замечать перемены. Мы особенно подвержены унаследованному от прошлого мышлению в тех вопросах, которые относятся к экономической и общественной организации. Поскольку лишь немногие из нас имеют возможность наблюдать общество в целом, мы привыкаем полагаться на образы, заимствованные из прошлого. Некоторые из них обладают необыкновенной стабильностью, в особенности те, от созерцания которых мы испытываем особое удовольствие. Но устаревшие образы бывают опасно обманчивы.

Это относится и к образу корабля национальной экономики, на котором мы плывем все вместе. Когда-то он вполне соответствовал реальности, но сейчас уже ее не представляет. Итогом устойчивости этого образа стал ошибочный диагноз экономических и социальных проблем настоящего и требований, которые предъявляет будущее. Эта устойчивость исказила представление о нашей национальной цели. Экономические пессимисты так же введены ею в заблуждение, как и оптимисты. И те, и другие исходят из ложных предпосылок.

Нет недостатка в предупреждениях, что реальность существенно изменилась. Некоторые перемены хорошо заметны как в Соединенных Штатах, так и в других странах. Сейчас уже стало общим местом утверждение, что крупные корпорации не приносят таких прибылей, какие они приносили двадцать пять лет назад. Достигнув в 1965 г. пика почти в 10%, средняя чистая (после уплаты налогов) прибыль крупнейших американских нефинансовых корпораций упала в 1970-х годах, вновь подпрыгнула вверх где-то между 1982 и 1985 гг., а затем возобновила свое скольжение вниз. Самое высокое за все спекулятивные 1980-е годы значение усредненного индекса Доу-Джонса по промышленности, достигнутое в августе 1987 г., с учетом поправки на инфляцию оказалось фактически ниже его пика в январе 1966 г. Кроме того, 500 крупнейших американских промышленных компаний не создали в Америке новых рабочих мест между 1975 и 1990 гг., а их доля в потреблении рабочей силы упала за тот же период с 17% до менее чем 10%.

Доля организованных в профсоюзы лиц наемного труда сейчас сократилась настолько, что составляет лишь малую часть рабочей силы. В 1965 г. 35% всех несельскохозяйственных рабочих в Америке были членами профсоюзов, а к 1990г. этот показатель упал до 17%. Если же исключить работников государственных учреждений, то на долю членов профсоюзов останется лишь 13% всей рабочей силы — меньше, чем в начале 1930-х годов до принятия закона Вагнера (закон о трудовых отношениях в стране, принятый в 1935 г.), предоставивший работающим по найму

юридически гарантированные права на профсоюзное представительство.

Ко всему этому ныне все более осознается тот факт, что иностранцы завладевают все большей долей американских производственных ресурсов. В 1977 г. неамериканцам принадлежало не более 3-5% стоимости производительного потенциала обрабатывающей промышленности США, а к 1990 г. иностранцы осуществляли эффективный контроль над почти 11% американской обрабатывающей промышленности и выступали в качестве наймателей свыше 10% рабочих в этой сфере экономики. Между тем, американские корпорации лихорадочно вкладывают свои капиталы за рубежом. С 1980 г. по 1990 г. рост заморских инвестиций американских компаний в новые предприятия, оборудование, исследования и разработки превысил рост аналогичных инвестиций в Соединенных Штатах.

Деньги, технологии, информация и товары сегодня перетекают через национальные границы с беспрецедентной легкостью и скоростью. Снижается стоимость транспортировки товаров и передачи сообщений. Контроль над капиталовложениями в наиболее промышленно развитых странах постепенно снимается, а торговые барьеры уменьшаются. Все то, что правительства не хотят пропускать в свои страны (например, наркотики или незаконных иммигрантов) или выпускать из них (секретные виды оружия) так или иначе находит себе дорогу.

В то же время наблюдается тенденция к увеличению различий в уровне оплаты высших администраторов корпораций и рабочих, занятых на управляемых ими предприятиях. В 1960 г. глава одной из ста крупнейших американских нефинансовых корпораций в среднем зарабатывал 190 тыс. долларов в год, что примерно в 40 раз превышало средний уровень годового заработка заводского рабочего в этих корпорациях. После уплаты налогов заработок руководителя компании превышал заработок рабочего только двенадцатикратно. Однако в конце 80-х годов глава корпорации в среднем получал более 2 млн. долларов, что соответствовало девятикратному годовому

заработкам его (в редких случаях ее) среднего рабочего. После уплаты налогов заработки рабочего оказывались в семьдесят раз ниже доходов главного администратора корпораций.

Этим ножницам соответствует растущее неравенство в доходах американцев в целом. Между 1977 и 1990 гг. примерно на 5% упал средний заработок беднейших 20% американского населения, в то время как богатейшие 20% сделали на 9% богаче (в обоих случаях приводятся данные по состоянию до уплаты налогов). Быстрее всего растет неравенство в доходах выпускников колледжей и тех, кто получил лишь среднее школьное образование или не смог сделать и этого. Эта тенденция проявляется не только в Соединенных Штатах — аналогичные различия имеют место во многих промышленно развитых странах.

Различия в уровне заработков коррелируют с местами проживания работников. Вплоть до конца 1970-х годов средние доходы обитателей разных городов и штатов медленно сближались — это происходило по мере распространения промышленности в менее развитые районы страны. С тех пор однако эта тенденция поменяла направление. Относительно благополучные города и штаты сделали еще богаче, а беднейшие стали сравнительно беднее. Контрасты между регионами усиливаются и во многих других странах, как например, между Токио и периферийными префектурами, между южной и центральной частями Англии, между процветающим севером Италии и ее менее развитым югом.

У этих перемен общая суть, о которой речь пойдет ниже. Американцы уже не пребывают в общей экономической лодке, кстати, это относится и к жителям других стран. Однако укоренившийся в прошлом образ продолжает прочно сидеть в наших головах. Эта старая картинка успокаивает нас тем, что предусматривает общегосударственную цель и национальную солидарность. Коль скоро мы тесно связаны, то можем рассчитывать друг на друга в трудную минуту.

Цель этой книги состоит в том, чтобы нарисовать новую картину, в большей степени отражающую реалии возникающей на наших глазах глобальной экономики и обществ, контуры которых меняются под воздействием этого процесса. Когда почти все ключевые факторы современного производства (деньги, технологии, заводы и оборудование) начинают беспрепятственно пересекать государственные границы, сама идея американской экономики теряет смысл, и в равной мере делаются бессмысленными понятия "американская корпорация", "американский капитал", "американские продукты" и "американская технология". Подобную трансформацию испытывают и все прочие страны, хотя в некоторых из них она осуществляется быстрее и заходит глубже, чем в остальных — вспомним хотя бы о Европе, на всех парах мчащейся к экономическому объединению.

Так кто же, в таком случае, эти "мы"? Ответ состоит в указании на ту единственную составляющую американской экономики, которая в международном плане все еще относительно неподвижна — национальные трудовые ресурсы, американский народ. Подлинный экономический вызов, который будущее бросает как Соединенным Штатам, так и всем другим странам, состоит в увеличении потенциальной ценности вкладов их граждан в мировую экономику, в развитии их искусства и способностей и в совершенствовании доступных им способов связывать эти качества с потребностями мирового рынка.

Обычно этот вызов осмысливается в терминах "национальной конкурентоспособности", но на деле речь идет о другом. Ни для Соединенных Штатов, ни для других народов более не существует причин защищать, субсидировать или каким-либо иным способом поддерживать прежде всего свои собственные корпорации, в чем нас кое-кто пытается убедить. Нет оснований и для сокращения расходов на общественные нужды и уменьшения налогов для предоставления гражданам страны возможности увеличить их инвестиции, как того требуют

верящие, часто с квазирелигиозным рвением, в возможности свободного рынка. Ни доходность корпораций какой-либо страны, ни успехи ее вкладчиков не гарантируют улучшения условий жизни для большинства ее граждан. В наши времена корпорации и вкладчики в поисках прибыли рыщут по всему миру, все более теряя связи с собственными странами.

Традиционные экономические дискуссии по поводу валового национального продукта, экономического роста народного хозяйства или конкурентоспособности национальной экономики в данном случае так же не относятся к делу, как и предсказания относительно экономического развития в будущем. Оптимистическая точка зрения вполне соответствует реальности, но лишь по отношению к той небольшой части американских специалистов, чья ценность возрастает в результате их вовлеченности в мировую экономику. Поскольку эти американцы в своих интеллектуальных способностях абсолютно ничем не уступают самым талантливым из занятых в тех же областях японцам и европейцам и с успехом продают свои идеи по всему миру, все разговоры о "японском вызове" или "возрождении Европы" ни к чему не ведут. С другой стороны, прогнозы пессимистов точно описывают перспективы остальных американцев, но не принимают в расчет процветающее меньшинство, которое представляет одно из величайших достижений в современной экономической истории.

За всем этим встает вопрос о будущем — не американской экономики, а американского общества, о судьбе того большинства американцев, которые проигрывают в мировом соревновании. Ответ будет зависеть от того, настолько ли мы озабочены делами американского общества, чтобы пойти на совместные жертвы (это прежде всего относится к тем из нас, кто продвинулся дальше других и больше, чем другие, добился), ради того, чтобы помочь большинству вернуть утраченные позиции и обрести возможность полноценного участия в новой мировой экономике. Аналогичная проблема ответственности встает перед любой другой страной, экономические границы которой исчезают.

Это не просто вопрос национальной безопасности. Благодаря новейшим технологиям военная мощь диффундирует — сегодня даже относительно бедные государства в состоянии приобрести оружие огромной разрушительной силы.

Скорее это вопрос национальной цели. Составляем ли мы все еще единое общество, даже если уже не можем говорить о единстве своей экономики? Связывает ли нас вместе нечто большее, чем валовой национальный продукт? Или, быть может, идея нации-государства как совокупности людей, разделяющих взаимную ответственность за совместное благосостояние, уже стала достоянием прошлого?

Истоки экономического национализма

*В цивилизованном обществе
все мы зависим друг от друга.
Сэмюэл Джонсон цит. по:
"Botwell's life of Samuel Johnson",
1791*

Привычная нам картина национальной экономики, где участники экономической деятельности преуспевают или терпят крушение совместно, показалась бы новой человеку, живущему всего лишь в XVII столетии — даже в Европе, где идея нации-государства получила наибольшее развитие. До XVII века лишь отдельные короли, государственные мужи и политические философы полагали, что страна тем или иным образом отвечает за экономическое благосостояние своего населения или, хотя бы по необходимости, имеет к нему какое-то отношение. Богатство нации соотносилось скорее с богатством ее правителей, королей, королев и их доверенных слуг, тех, кто предпринимал разнообразные попытки приобретения чужих богатств, финансировал и осуществлял их ради ведения войн и умножения собственной власти и престижа, нежели с благосостоянием ее рядовых жителей.

Патриотизм означал тогда преданность прежде всего монарху и лишь во вторую очередь — соотечественникам.

В XVII столетии министр Людовика XIV Кольбер стимулировал французскую экономику практически теми же самыми способами, которые сегодня используют японцы, корейцы, тайваньцы, западные немцы и французы а также уважающие себя губернаторы американских штатов. Он финансировал сооружение дорог и каналов, субсидировал и освобождал от налогов производителей наиболее высокоценных французских товаров (шелка, гобеленов, стеклянных изделий и шерстяных тканей); он основал торговую компанию (Французская Ост-Индская компания), чтобы французские товары находили путь в самые отдаленные уголки земного шара. Чтобы стимулировать зарубежные закупки французских товаров, он специальными мерами добивался улучшения их качества; наконец, он проводил политику поощрения экспорта и ограничения импорта. Однако мотивы Кольбера, в противоположность побуждениям его нынешних последователей, состояли не в повышении уровня жизни рядовых подданных французского монарха. Целью изобретенной им стратегии было накопление серебра, чтобы Людовик XIV мог финансировать свои войны и содержать большую постоянную армию. Для Кольбера тут была очевидная логика: "Каждый согласится, что могущество и величие государства всецело измеряется количеством серебра, которым оно владеет"¹. В этой меркантилистской игре выигрыш одного суверена неизбежно означал проигрыш другого, поскольку вся ее суть в том и состояла, чтобы превзойти могуществом потенциального противника. Как отмечал Вольтер, "Ясно, что если одна страна теряет, другая может от этого только выиграть."²

К тому времени меркантилизм на протяжении уже трех столетий был ведущим принципом национальной экономической политики. Уже в 1462 г. французский король Людовик XI ввел ограничения на вывоз в Рим "золота и серебра, в звонкой монете или в ином виде, которые могли бы быть извлечены и вывезены из нашего королевства."³ Развитие обрабатывающих производств в течение

столетий рассматривалось (согласно эдикту Генриха IV, подписанному до 1603 г.) как "единственный способ прекратить вывоз из нашего королевства золота и серебра, что ведет к обогащению наших соседей."⁴ Производя у себя дома то, в чем испытывалась нужда, можно было сохранить для своей страны драгоценные металлы, а экспортируя произведенные дома товары, — накопить эти металлы в еще больших количествах.

Согласно той же самой меркантилистской логике американские колонии Англии, подобно колониям всех великих держав, существовали ради обогащения британской короны. Их уделом было поставлять в метрополию дешевое сырье и покупать в ней готовые товары. Колонии ни при каких обстоятельствах не должны были производить собственные готовые изделия или покупать их у третьей страны. (Как без излишних объяснений указывали английские контролеры колоний, запрещая пенсильванский закон о субсидиях сапожникам, нью-йоркский о поощрении парусного производства и массачусетский о поддержке выделки холста: "принятие в колониях законов, поощряющих те производства, которые каким-то образом конкурируют с мануфактурами Королевства, всегда считалось неуместным и поэтому не одобрялось"). Кроме того, приняв Навигационный акт, Англия постановила, что одни лишь английские корабли могут перевозить грузы через Атлантику.

Конечно, существовали и другие причины, по которым американские колонии Англии стремились к независимости. Но если бы они могли развивать свою экономику без помех, создаваемых меркантилистскими требованиями Англии, их отделение произошло бы гораздо позднее и, вероятно, более мирным образом.

* * *

Сдвиг от меркантилизма к популярному ныне экономическому национализму сопутствовал политическому сдвигу от абсолютизма к демократии, который с перерывами тянулся с XVIII до XX века и, как может видеть совре-

менный наблюдатель событий в Латинской Америке, Восточной Европе и Советском Союзе, продолжается и сегодня. С распространением демократических идей и институтов сменились и главенствующие экономические и политические цели — вместо увеличения власти суверена теперь целью становится повышения благосостояния населения. В большинстве стран Западной Европы и в американских колониях первоначальный импульс к переменам дал поднимающийся коммерческий класс купцов и банкиров, стремившихся к упрочению своей собственности, свободной торговле и отмене аристократических привилегий. В большей части Центральной и Восточной Европы экономический национализм вырос из попыток отразить или сбросить чужеземных угнетателей.

Эта революция началась в Англии, где новые демократические институты укоренились раньше, чем в прочих странах. К XVIII веку британская Палата общин, развиваясь, превратилась в то, что политический философ Эдмунд Берк позднее назвал "совещательной ассамблеей", направляемой "общим коллективным разумом".⁶ Для Берка и все большего числа его соотечественников принадлежность к нации означала контракт — форму "партнерства не только между уже живущими, но также между ними и теми, кому еще предстояло родиться."⁷ Партнерство это было моральной категорией — граждане имели взаимные обязательства друг перед другом. Демократические институты являются одновременно средством как принятия, так и выполнения этих обязательств. Английский философ Джон Стюарт Милль утверждал, что демократия культивирует моральные связи "с помощью максимально возможной публичности и свободы дискуссий, в силу чего участниками государственного управления делаются не только сменяющие друг друга отдельные личности, но, в определенной степени, и общество в целом."⁸ Короче говоря, демократические институты создают хороших граждан.

В XVIII столетии и в Англии, и на континенте слово "патриот" стало употребляться все чаще. Теперь пат-

риотом был тот, "кто участвует в свободном управлении и заботится о своей родине... или, что более точно, об общественном благосостоянии."⁹ Английский философ и потерпевший крушение государственный деятель Болингброк отметил эту перемену в своем эссе "Дух патриотизма", появившемся в 1730 г. Каждый гражданин — подлинный патриот "направляет все мысли и действия на благо своей страны", т.е. на "благо народа", в достижении которого он видит "истинную и окончательную цель правительства", — писал Болингброк.¹⁰

Демократический патриотизм оказался куда более мощной силой, чем преданность повелителю. Жертвовать жизнью и собственностью ради живущего в роскоши в далеком замке монарха выглядело куда менее вдохновляющим (и менее разумным), чем идти на жертвы ради своей нации. Новые чувства нашли выражение в национальных гимнах, флагах, процессиях и праздниках. В 1740 г. появился английский гимн "Правь, Британия!" с его вдохновляющими строками:

Нации, не столь благословенные, как ты,
Должны, когда придет их час, пасть к ногам тиранов,
В то время как ты будешь процветать
В величии и свободе
Всем на зависть и на страх.

Теперь уже не нации символизировали монархов, а монархи — нации. Гимн "Боже, храни Короля", который впервые исполнил Друри Лэйн в 1745 г. в лондонском театре, в большей мере выражал любовь к стране, чем любовь к королю. Эмоциональное воздействие этой песни на англичан (вообще-то редко поддающихся воздействиям такого рода) настолько впечатлило композитора Йозефа Гайдна, что по возвращении в Германию он написал музыку, со временем ставшую гимном: "Германия, Германия превыше всего." Такие гимны и их авторы приобретали мифические качества. Французским детям рассказывали в школе, как в 1792 г. Руژه де Лиль написал "Марсельезу", американским — как в 1814 г. Френсис Скотт Ки создал

"Звездное знамя". Мифологизировались национальные знамена — Юнион Джек, Триколор, Ветси Росс и первый американский флаг. Национальные конституции и правовые кодексы сделались священными документами, чем-то вроде скрижалей Моисея.

Французская революция и последовавшие за ней наполеоновские войны послужили для всего этого дополнительным стимулятором. Жители Центральной и Восточной Европы уже и до этого интересовались отечественными культурами, что отчасти было реакцией на политическое главенство австрийцев и турок и на культурное преобладание французов.¹¹ Но кровавая французская революция, за которой последовали вторжения армий Наполеона Бонапарта, заставила многие группы населения остро почувствовать свою национальную принадлежность. Политик и философ-моралист Джузеппе Мадзини объявил итальянцам, что их долг по отношению к нации лежит между семейными обязанностями и верностью Богу. Философ И.Г.Фихте учил немцев, что германский дух в своем благородстве выше духа любой другой нации. Основатели современной сравнительной лингвистики братья Гримм исколесили всю Германию в поисках немецких народных сказок — эманации германского народного духа. В последующие десятилетия идея национальной принадлежности распространилась по всей Европе: поляки, венгры, русские, чехи, словаки, румыны, сербы, хорваты, греки — все обрели национальное самосознание, хотя не у всех были национальные государства.

Граждане-патриоты при защите отечества были лучшими солдатами, чем платные наемники. Демократические правительства также зависели от преданности и образованности населения. По этим и иным причинам воспитание "хороших граждан" сделалось признанной национальной целью. В последние десятилетия прошлого века детям и в Америке, и в Европе полагалось посещать бесплатные общественные школы, где они изучали национальную историю: им рассказывали о национальных героях, учили правильно писать и говорить на нацио-

нальном языке, брали клятву на верность национальному флагу. К концу XIX столетия всеобщее бесплатное обучение языку и гражданскому долгу распространилось и на восток — на Балканы и в Россию.

* * *

Идея ответственности граждан за экономическое благосостояние нации возникла как естественное порождение возросшего патриотизма. Не случайно самой влиятельной книгой XVIII века стало "Исследование природы и причин богатства наций" шотландского философа-политолога Адама Смита. Адам Смит выдвинул все основные идеи, которые впоследствии периодически проглатывались консервативными вигами, тори и сторонниками свободной торговли, равно как и республиканцами и экономистами XIX столетия. Однако Смит не был космополитом. Он писал об универсальных экономических принципах, но его система отсчета была определено национальной. Английский меркантилизм он осуждал не потому, что тот уменьшал богатство других наций, а потому, что из-за него сами английские граждане жили беднее, чем могли бы.

Аналогично, у Смита не было принципиальных возражений против вмешательства правительства в дела экономики, если этого требовали национальные интересы. Он называл Навигационные акты "возможно, мудрейшими из всех коммерческих установлений Англии", поскольку "защита куда важнее изобилия", а также заявлял, что Британии следует расширять империю, захватывая острова "от Фолкленд до Филиппин"¹² (точка зрения, с которой с удовольствием бы согласилась Маргарет Тэтчер). Что же касается национального продукта, на котором покоится все богатство нации, то последний, по мнению Смита, определяется двумя неустраняемыми детерминантами: во-первых, долей полезно занятого в экономике населения и, во-вторых, "изобретательностью, искусностью и разумностью приложения труда,"¹³ — факторами, играющими и сегодня столь же ведущую роль, как два столетия назад.

Многие страны, отставшие от Англии в экономическом отношении, принимали более радикальные концепции умножения богатства своего населения, но их основная цель была той же самой. Очень популярный план был предложен в декабре 1791 г. Александром Гамильтоном, первым американским секретарем по делам казначейства (министром финансов) в администрации Джорджа Вашингтона. Гамильтоновский "Доклад о мануфактурах" был первым из четырех докладов, представленных им юному американскому Конгрессу, и единственным, чьи предложения Конгресс отклонил как требующие слишком больших полномочий для центрального правительства. (Антифедералисты в конце концов согласились с высказанным в гамильтоновском "Докладе об общественном кредите" предложением о принятии федеральным правительством на себя долгов штатов времен войны за независимость, но при условии, что национальная столица будет перемещена из Нью-Йорка в болотистую местность на Потомаке между штатами Мэриленд и Вирджиния. Они возражали против второго предложения Гамильтона, содержащегося в "Докладе о банке", об учреждении центрального банка с прерогативой контроля над эмиссией денег в национальном масштабе. Но президент Вашингтон, следуя не за Джефферсоном, а за Гамильтоном, подписал закон о банке. Третий же проект Гамильтона, направленный Конгрессу, — "Доклад о чеканке монеты", призывавший создать в Соединенных Штатах собственный монетный двор и чеканить собственную золотую и серебряную монету, вызвал мало возражений.

Тем не менее аргументы Гамильтона на предмет того, почему нации как целому следует поддерживать развитие своей промышленности, уже на протяжении двух столетий находят отклик и в Америке, и в других странах. Согласно его рассуждениям, сильная производственная база увеличивает суммарный национальный доход, богатство и число рабочих мест, тем самым стимулируя иммиграцию; привлекает иностранный капитал и укрепляет национальную независимость и национальную безопасность. В то же время итогом экономики, основанной лишь на

сельском хозяйстве, будет "состояние, которое покажется обнищанием, если его сравнить с тем изобилием, которого наши политические и природные преимущества позволяют достигнуть."¹⁴

Однако сильная промышленная база не возникает сама по себе. Гамильтон предупреждал, что небольшим американским мастерским никогда не сравняться с более крупными и технически совершенными европейскими мануфактурами, если их хотя бы временно не защищать и не субсидировать. Не существует "никакой иной цели, на которую общественные деньги могли бы быть истрачены с большей пользой, нежели приобретение оборудования для новой и полезной промышленной отрасли; самое важное, что следует принимать в рассмотрение — это постоянное увеличение общего объема производительного труда." Следовательно, "в интересах общества... идти ради этого на временные расходы, которые более чем компенсируются ростом промышленности и богатства, приумножением ресурсов и укреплением независимости и, в конечном счете, удешевлением жизни."¹⁵

Гамильтон требовал срочного установления таможенных пошлин на иностранные товары и на предоставление субсидий американским производителям, особенно настаивая на последнем, поскольку субсидии могут быть отменены, если необходимость в них отпадает, в то время как пошлины имеют тенденцию сохраняться долгое время и после исчезновения тех причин, которыми обосновывалось их введение. Дело выглядело так, что американская промышленность оказалась зависящей от таможенных пошлин, причем широкая публика даже не подозревала о том, чего это ей на самом деле стоило. Существование пошлин позволяло местным производителям и торговцам удерживать цены на предлагаемые ими товары, не опасаясь, что какой-то иностранный конкурент предложит то же самое дешевле. Историческая ирония состоит в том, что именно осторожные и взвешенные призывы Гамильтона к введению покровительственных тарифов в XIX столетии привлекали больше внимания, нежели все прочие аспекты его плана.

* * *

Если не считать проблемы рабства, вопрос о таможенных пошлинах стал в Америке XIX века предметом самых горячих экономических споров, разделивших нацию, причем линия раскола в данном случае проходила по региональным границам. Таможенные ограничения вызвали ожесточенные дебаты в академической среде, причем некоторые университеты, например Пенсильванский, запрещали своим экономистам высказываться в поддержку свободной торговли, другие же, напротив, требовали такой поддержки. Судя по всему, профессура Корнелльского университета так и не смогла прийти к согласию по данному вопросу, так что этот университет пригласил двух лекторов — сторонника свободной торговли и защитника покровительственных тарифов. Мелкие промышленники Новой Англии, Нью-Йорка и Пенсильвании, желавшие защиты от европейских экспортеров промышленных товаров, утверждали, что от сохранения пошлин зависит все экономическое будущее нации. С другой стороны, фермеры Юга, заинтересованные в покупке машин по максимально низким ценам, кто бы их не поставлял, видели в пошлинах, если воспользоваться исполненными праведного гнева словами Джона Калхуна из Южной Каролины, "непомерный налог на одну часть населения ради того, чтобы наполнить деньгами карманы другой его части."¹⁶

Многие жители западных штатов, подобно Генри Клею из Кентукки, видели в таможенных пошлинах потенциальный источник средств для таких общенациональных проектов, как строительство каналов и дорог, которые связали бы запад с другими районами страны. "Признавая иностранные рынки, давайте создадим и внутренний рынок, чтобы тем самым расширить сферу потребления изделий американской промышленности, — призывал Клей. — Давайте противодействовать политике чужеземцев, давайте прекратим поддерживать их промышленность и начнем поощрять ее в своей собственной стране."¹⁷ Может быть, речам Клея не доставало убедительности, но недостатком страстности они не страдали. "На свете немного пра-

вительств, если таковые вообще существуют, которые не видят в поощрении собственных промышленников одну из главных целей государственной политики", — восклицал он во время сенатских дебатов 1832 г. по вопросу о пошлинах. — "Что вместо этого предлагают джентльмены, которые с успехом изобретают схемы немедленного или постепенного разрушения американской системы? — Свободную торговлю! Свободную торговлю! Призывы к свободной торговле столь же неосуществимы, как желания избалованного ребенка, с ревом требующего у няньки достать ему луну или звезды с неба. Свободной торговли никогда не было и никогда не будет."¹⁸ После того, как в 1832 г. Конгресс утвердил таможенные пошлины, страсти накалились настолько, что разъяренные законодатели Южной Каролины запретили федеральным таможенникам собирать в своем штате таможенные сборы, заставив тем самым президента Эндрю Джексона направить войска на подкрепление федеральных гарнизонов в фортах Самтер и Моултри, что, в свою очередь, подтолкнуло законодательное собрание штата призвать добровольцев для защиты Южной Каролины от "вторжения". Этот кризис был преодолен только после того, как Клей и его соратники по партии виггов отступили и согласились на снижение таможенных ставок.

После гражданской войны, когда протесты демократов Юга утонули в громе победных маршей республиканцев Севера, ставки таможенных пошлин подскочили вновь. ("Я не такой уж специалист по тарифам, — сказал в своей обычной простонародной манере Авраам Линкольн, — но я знаю, что когда мы покупаем сделанные за границей товары, то получаем вещи, а иностранцы — деньги. Когда же мы приобретаем собственные изделия, у нас остаются и товары, и деньги."¹⁹ Вплоть до 1913 г. таможенные ставки по импорту нередко приближались к 50%, и были еще выше для железа, стали, хлопка, текстиля и шерстяных тканей. Фактически в последние десятилетия прошлого века приток таможенных денег в федеральную казну был так велик, что сменявшим друг друга республиканским правительствам приходилось иметь дело с

большими бюджетными излишками, что было не таким уж простым делом. Чтобы как-то сократить эти излишки и найти оправдания для сохранения необходимости высоких тарифов, республиканцы резко увеличивали федеральные ассигнования как раз на улучшение инфраструктуры, к чему много лет назад призывал Генри Клей, — на строительство каналов, железных дорог, гаваней, мостов и шоссе. Например, правительство выдало железным дорогам "Union Pacific" и "Central Pacific" субсидии в 65 млн. долларов на проведение одной единственной железной дороги, соединяющей Восточное побережье с Западным.

* * *

Возможно, самой интересной особенностью американских разногласий и споров относительно таможенных пошлин была аргументация, к которой прибегали все участники: утверждалось, что все приносимые на алтарь тарифов жертвы, сколь бы велики они ни были, окажутся, тем не менее, благом для национальной экономики как целого и обернутся выгодами для самих плательщиков этих пошлин. Никто не взывал к соображениям чести или долга; каждая заинтересованная сторона апеллировала ко всем прочим, утверждая, что ее стратегия соответствует их собственным экономическим интересам. "Суммарные выгоды, которые получает от улучшений общество в целом, с избытком оправдают все необходимые вложения капитала"²⁰ — такими аргументами Генри Клей обосновывал свою систему финансирования общегосударственных проектов за счет таможенных сборов.

В XIX веке европейцы также начали рассматривать национальные экономики с точки зрения благосостояния населения своих стран, однако для оправдания тарифов или других финансовых механизмов, не равным образом распределявших экономическое бремя, они использовали аргументы иного рода. Эту разницу отметил молодой французский судебный чиновник Алексис де Токвиль во время путешествия по Соединенным Штатам в 1831 г. Он обратил внимание на то, что во Франции, как и повсюду в

Европе, жертвы оправдывались в терминах чести и патриотизма. Обычная для Европы аргументация состояла в том, что "людям следует чем-то жертвовать для своих соотечественников, поскольку жертвенность есть дело благородное" (курсив оригинала). По Токвилю, такие призывы часто отдавали лицемерием. "Окружающие нас люди все еще постоянно тщатся показать свою готовность к самопожертвованию, которой на самом деле они уже больше в себе не чувствуют". Напротив, для американцев подобные жертвы оправдывались как раз тем, что они отвечали просвещенному эгоизму самих жертвователей, их собственным частным интересам. "Американцы, — отмечал Токвиль, — очень любят объяснять почти все свои действия принципом правильно понятого личного интереса; они показывают с некоторым даже самодовольством, как цивилизованная забота о самих себе постоянно вынуждает их помогать друг другу и побуждает с готовностью жертвовать частью своего времени и своей собственности ради благосостояния государства."²¹

Это было важным прозрением. Американцы с готовностью приносили жертвы на алтарь национального благосостояния, поскольку, как они сами не уставали повторять, это в конечном счете наилучшим образом служило их собственным интересам. Разумеется, отсюда не вытекает, что американцы лишены патриотизма, — молодой Токвиль обнаружил у них мощную общественную солидарность и преданность стране. Их чувства вытекали как раз из сознания взаимосвязанности, а не отделенности друг от друга. Как заметил Токвиль, "было бы несправедливо предположить, что патриотизм и забота американцев о благосостоянии сограждан неискренни". "Свободные институты, которыми обладают жители Соединенных Штатов, равно как и те политические права, которыми они широко пользуются, постоянно напоминают каждому гражданину этой страны, что он — частица общества, что, в свою очередь, приводит к пониманию того, что приносить пользу ближним — не только является обязанностью, но и соответствует его интересам."²²

Как быть, если эти утверждения перестают казаться

убедительными? Что если американцы стали куда меньше зависеть друг от друга, так что личной выгоды от жертв на общий алтарь уже не существует? Выживут ли в этом случае гражданские добродетели? В дальнейшем я вернусь и к этим вопросам, и к наблюдениям Токвиля.

Национальная сделка

Дела отдельного предприятия улучшаются, если его прибыль частично направляется на внутренние улучшения. Так и бизнес в целом выигрывает, если какая-то доля национального дохода тратится на повышение статуса и поднятие жизненного уровня беднейших слоев населения, что позволяет им покупать больше товаров и тем самым расширять всеобщий рынок.

Фредерик Льюис Аллен "Большие перемены", 1952

Американское общество признало в качестве платы за процветание легитимность и неизбежность института американских корпораций. Правительство уже не пытается вторгаться в сферу прерогатив руководителей бизнеса. Хотя негативное воздействие корпоративной деятельности на здоровье и безопасность людей, гражданские права и окружающую среду в конечном счете ставится под контроль соответствующих законов и правил, проводящихся в жизнь с большим или меньшим рвением, уже не приходится ожидать ни возвращения к экономическому декретированию военного времени, ни промышленного планирования времен Великой депрессии, ни модного в ряде стран Европы и Азии флирта с общественной собственностью. Аналогично, правительство вряд ли станет поддерживать антиштрейковское законодательство так же настойчиво и целеустремленно, как оно порой делало в прошлом, воодушевляя реформаторов минувших десятилетий. Молчаливое соглашение между ведущими фирмами каждой отрасли ("олигополитическая координация",

если прибегнуть к более техническому и не столь пугающему лексикону экономистов), теперь воспринимается в качестве естественного аспекта планирования крупных объемов производства в частном секторе экономики.

Правительство сегодня видит одну из своих основных обязанностей в обеспечении ключевым национальным корпорациям стабильного уровня доходов. Оно предоставляет низкопроцентные ссуды для покупки новых домов, что является важным механизмом стимулирования массового потребления. Оно предпринимает усилия для сглаживания присущих экономическим циклам конъюнктурных колебаний, чтобы большие фирмы могли с большей легкостью планировать большие объемы производства, не слишком опасаясь внезапных резких скачков спроса на их продукцию. Планировщики Федеральной резервной системы и Бюджетного бюро варьируют, соответственно, поступление денег в экономику и правительственные расходы, пытаясь сбалансировать тенденции экономического роста и спада. Президенты могут разливатья соловьями перед руководителями ведущих корпораций и профсоюзными лидерами, убеждая первых не слишком повышать цены, а вторых — не требовать увеличения ставок заработной платы, но на прямой контроль над ценами правительство идет разве что под давлением чрезвычайных обстоятельств.

Однако предметом постоянных споров остается вопрос о приемлемом уровне инфляции. Консервативные республиканцы, поддерживаемые многими руководителями американского бизнеса, всегда стремились к ее предотвращению — даже идя при этом на риск значительной безработицы, что вполне понятно, если учесть, что финансовые интересы сторонников этого обычно обеспечиваются ссудным процентом на займы по их банковским вкладам. Поскольку инфляция частично обесценивает ссужаемые капиталы, обладатели вкладов, естественно, хотят избежать ее роста, чтобы не пострадать в случае экономического спада. С другой стороны, демократы предпочитали повышать занятость, даже при риске роста инфляции. Их ориентация также легко объяснима, поскольку их поддерживают избиратели, подверженные риску потери рабо-

ты и в большей степени обремененные долгами. Когда эти интересы столкнулись в Конгрессе, результатом оказался компромисс в виде закона о занятости от 1946 г. — вместо предполагавшегося сначала провозглашения "полной" занятости в качестве приоритетной цели государственной экономической политики, Конгресс сделал федеральное правительство ответственным лишь за обеспечение "максимальной" занятости, не слишком четко определив практические действия, необходимые для этого.

* * *

Другой заботой общества была подготовка американских детей к хорошему трудоустройству. Если принять во внимание американскую систему крупномасштабного централизованного производства, задача эта не покажется чрезмерно обременительной. Единственным требованием на большинстве рабочих мест была способность к пониманию и ответственному исполнению простых устных и письменных распоряжений.

Поэтому в середине нашего века американские начальные и средние школы были как бы слепком с системы массового производства. Ученики переходили из класса в класс, изучая в заранее определенной последовательности стандартные учебные предметы — это было нечто вроде фабричного конвейера. На каждом этапе их головы нагружались определенными фактами. Ребята, способные усваивать эти факты скорее и лучше вести себя на уроках, быстрее преодолевали все эти ступени, а менее наделенные даром запоминания и менее дисциплинированные школьники двигались в замедленном темпе. Большая же часть детей продвигалась по образовательному конвейеру со средней скоростью. На определенных этапах школьникам рутинным образом предлагались стандартизованные тесты, предназначенные для измерения количества фактов, удержавшихся в их маленьких головах, и "дефектные изделия" снимали с конвейера и возвращали в переделку. Как и в любой системе массового производства, превыше всего в школе ценили дисциплину и порядок.

Кроме того, стандартизация и здесь вызвала к жизни известный в экономике феномен снижения средней стоимости продукции с ростом масштабов производства, благодаря чему крупные фирмы действуют эффективнее мелких. Школьные учителя, как и фабричные рабочие, не обладали значительной самостоятельностью действий на "своих" участках конвейера. От них требовалось исполнение учебных планов, разработанных специалистами высших уровней образовательной иерархии. Учителям эти планы спускали по лестнице, на ступенях которой располагались руководители департаментов образования штатов, суперинтенданты округов, их помощники и директора школ. Как и в заводском производстве, здесь действовал принцип "чем больше, тем лучше." Небольшие школьные округа постепенно сливались в округа большего размера, в итоге возникли крупные централизованные предприятия, называемые районными школами, через которые без задержек и осложнений можно было пропускать все большее число учеников.

Этот процесс был совершенным подготовительным этапом для вхождения в мир массового производства. Еще в начале 30-х годов специалист по образованию Элвуд П. Кабберли в следующих выражениях описывал идеальную американскую школу: "Наши школы — это, в определенном смысле, фабрики, где исходное сырье должно быть обработано и превращено в продукты, отвечающие разнообразным требованиям жизни. В данном случае спецификации для производственного процесса порождаются требованиями цивилизации XX столетия, и задача школы — подготовить своих учеников в соответствии с этими спецификациями. Для этого нужны хорошие инструменты, специальная техника, непрерывные измерения качества продукции, чтобы убедиться в ее соответствии заданным нормам и отбраковать неудачные изделия."²³ Даже запуск в 1957 г. первого советского спутника, сразу заставивший американцев усомниться в качестве их системы образования, не привел к серьезному пересмотру этой концепции. Американская реакция состояла не в переосмыслении основных организующих принципов амери-

канской школы, а в выделении дополнительных средств для лучшей подготовки учителей (особенно преподавателей математики и естественных наук) для той же системы массового образовательного производства.

Лучшие 15% учеников средней школы, "обработанные" по высшему классу на скоростной конвейерной дорожке, продолжали образование в четырехлетних колледжах или университетах, после чего переходили на административный конвейер, ведущий к высшим уровням корпоративной бюрократии. Несколько более половины остальных ребят вообще не получали аттестатов о полном среднем образовании. Характерно, что за это отклоняющееся поведение им не приходилось особо расплачиваться потерей доходов в будущем. Хорошо оплачиваемые фабричные места ожидали как выпускников средней школы, так и рабочих без аттестатов, поскольку крупный американский бизнес выполнял свою часть этого молчаливого соглашения.

* * *

Третьей общественной заботой была национальная оборона. Всеобщая озабоченность возможностью военного столкновения с Советским Союзом придала новый смысл уже усвоенной вере в единство национальной экономики, ее главных корпораций и благосостояния американцев. Противоборству между капитализмом и коммунизмом предстояло разворачиваться не только у границ советской империи, но и на боевом поле мировой экономики. Поэтому в середине нашего века американское экономическое могущество воспринималось в качестве одного из аспектов национальной оборонной готовности — и именно главные корпорации служили наивысшим воплощением этого могущества.

Оборонная миссия холодной войны служила готовым оправданием для соответствующих капиталовложений. Законодательный документ, ставший косвенным вкладом первого советского спутника в развитие американского образования, с достаточным основанием был назван За-

коном об образовании для нужд национальной обороны (The National Defense Education Act). Его декларированной целью была подготовка большего числа ученых и инженеров, чтобы предотвратить победу русских в космосе. Аналогичным образом был принят документ, названный Законом о дорожном строительстве для нужд национальной обороны (The National Defense Highway Act), который санкционировал создание новой национальной системы автострад — 40 тыс. миль четырехполосных скоростных шоссе, предназначенных для замены старых двухполосных федеральных дорог, проходивших прямо через городские территории. При обсуждении этого закона в Конгрессе его необходимость оправдывалась тем, что новые автострады можно будет в случае войны использовать для ускоренной перевозки вооружений и военных материалов. Что же касается других хорошо видимых вероятных последствий принятия этого закона, позитивных или негативных (например, новые дороги могли бы дать импульс расширению жилых пригородов и появлению там большого числа новых торговых центров и тем самым нанести ущерб владельцам городских магазинов; могли бы обогатить строительную промышленность, резко увеличить продажу автомобилей, породить новую индустрию по выпуску тяжелых грузовиков, уменьшить потребность в речных и железнодорожных перевозках и радикально снизить стоимость транспортировки и продажи товаров по всей Америке), то они открытому обсуждению не подвергались.

Точно так же в явной форме не признавалось, что миллиарды долларов, затраченных на оборонные исследования, разработку и производство новых сложнейших систем вооружений, подчас давали толчок к появлению технологий с коммерческими перспективами. Компактные транзисторы, которым со временем было суждено найти применение всюду — и в телевизорах, и в наручных часах, были изобретены в ходе работ по оборонным контрактам. Аналогично, военно-промышленный комплекс (эффектная терминологическая находка Эйзенхауэра) породил прочные пластмассы, волоконную оптику, лазеры, компьютеры,

реактивные авиационные двигатели и новые типы самолетных корпусов, различного рода точные приборы, сенсоры и самые разнообразные электронные устройства — многие из этих достижений были затем использованы в других сферах, что дало коммерческое преимущество американским корпорациям. Немало вещей, ставших неотъемлемой частью нашего быта, таких как калькуляторы на солнечных батареях, теннисные ракетки из композитных материалов и управляемые на расстоянии телевизионные приемники, подарены нам технологиями, вышедшими из Пентагона.

От щедрости военных выигрывала выделенная и на редкость стабильная группа ключевых корпораций, занятых преимущественно в аэрокосмическом производстве и в области телекоммуникаций. На протяжении 50-х и 60-х годов сто таких корпораций получили две трети всех ассигнований по оборонным контрактам, а десять фирм из их числа — одну треть. Девяносто шесть фирм из ста крупнейших оборонных подрядчиков в 1957 г. все еще оставались в этом списке и десятью годами позднее.²⁴ Очевидное постоянство этого списка отчасти объясняется тем, что высшие администраторы этих фирм нередко получали свои должности после завершения карьеры в Министерстве обороны — их оплаченная деньгами налогоплательщиков была щедрость к военным поставщикам должным образом вознаграждалась по выходе в отставку. Другой причиной было отнюдь не малое число высокооплачиваемых рабочих мест в фирмах оборонного комплекса. Например, в 1959 г. в Калифорнии 20% рабочей силы, занятой вне сельскохозяйственного сектора, прямо или косвенно обслуживало основных военных подрядчиков. В штате Вашингтон тогда эта цифра достигала 22%, в Аризоне она составляла 17%, в Мэриленде — 16%.²⁵

* * *

В середине нашего столетия внешнеторговый оборот Соединенных Штатов не был особенно велик. Лишь немногие из пострадавших от второй мировой войны стран

были в состоянии продавать Америке в ощутимом количестве хоть какие-то товары, которые американцы не могли бы приобрести дешевле на внутреннем рынке, либо импортировать значительные партии американской продукции. К 1960 г. за границей производилось лишь 4% продававшихся в Соединенных Штатах легковых автомашин, чуть больше 4% стали, менее 6% телевизоров, радиоприемников и других товаров бытовой электроники, и только 3% станков. Тем не менее, Америка всеми силами стремилась распространять чудеса американского капитализма по всему миру, видя в этом дополнительные гарантии против продвижения советского коммунизма. "Сегодня американский свободный рынок — предмет изумления и восхищения для всего мира, — возвещал летом 1955 г. журнал "Fortune". — Его расширение в международном масштабе станет непреодолимой преградой для советской экспансии, утверждая одновременно фундаментальные принципы свободы, на основе которых наша страна достигла своего величия и могущества".²⁶

Америка проложила для всего мира дорогу к глобальному капитализму, устроенному по ее собственному образцу. В первые послевоенные годы она активно защищала систему фиксированных обменных курсов, предназначенную для уменьшения валютных колебаний; она поддерживала Международный валютный фонд, чтобы гарантировать ликвидность международных финансов, Мировой банк — чтобы агрегировать и направлять денежные потоки, и Генеральное соглашение по тарифам и торговле, рассчитывая тем самым создать открытую систему международной торговли. Миллиарды американских долларов пошли на помощь Западной Европе и Японии и были использованы для модернизации и нового строительства заводов, фабрик, железнодорожных линий, автомобильных дорог и школ. Америка также предоставляла финансовую, технологическую и иную помощь развивающимся странам. При этом она значительно уменьшила собственные пошлины на импортируемые из-за рубежа товары. "Для империализма иных времен, означавшего эксплуатацию других стран ради извлечения прибылей, в наших планах

уже нет места, — заявил Гарри Трумэн, объявляя свою состоящую из четырех пунктов программу технологического содействия развивающимся странам. — Это программа развития, основанная на идее демократической честной игры". К этому он вполне мог добавить: "а также сдерживания советской угрозы".

Это предприятие оказалось в высшей степени успешным для всех заинтересованных сторон. Двадцатипятилетие с 1945 по 1970 г. оказалось временем самого радикального и всеохватывающего в истории человечества экономического роста. Мировой валовой национальный продукт вырос за это время с 300 млрд. до почти 2 триллионов долларов. Реальные доходы за это время возросли в три раза (с учетом поправки на инфляцию), а международная торговля учетверилась. Но и в этом случае имело место весьма удачное совпадение между целями национальной безопасности и интересами ведущих американских корпораций. Способствуя восстановлению экономики основных промышленно развитых стран и тем самым удерживая мировой коммунизм в определенных границах, новая глобальная система торговли и международной помощи в то же время создавала новые возможности для расширения и процветания ключевых американских корпораций, которые в те годы далеко превосходили фирмы других стран по величине, богатству и технологическим ресурсам. Имея за спиной доллар как базовую валюту всей системы фиксированных обменных курсов, американские банкиры и ведущие корпорации могли с минимальным риском расширять сферы своей деятельности. Поскольку Мировой банк находился под американским контролем, средства по программам содействия экономическому развитию могли направляться в точности туда, где американские корпорации видели для себя наилучшие перспективы. И пока зарубежные получатели американской помощи использовали ее для покупки продуктов американского экспорта, корпорации Соединенных Штатов могли прорываться в мировую торговлю с уверенностью в благоприятной реакции международных рынков. Все это вело к тому, что

общий ход событий на игровом поле международной торговли неизменно соответствовал американским интересам, так что в середине 50-х годов даже Национальную ассоциацию производителей можно было убедить оказать поддержку снижению импортных таможенных пошлин.

Не было простым совпадением и то, что ЦРУ обнаруживало международные коммунистические заговоры как раз в тех странах, где крупнейшие американские корпорации обладали или рассчитывали обладать значительной долей природных богатств. Когда в 1953 г. возглавляемое Мухаммедом Моссадыком иранское антиколониальное националистическое движение национализировало Англо-Иранскую нефтяную компанию и попыталось ограничить власть шаха, ЦРУ секретно переправило миллионы долларов иранским офицерам, которые стремились вернуть шаху всю полноту власти. Как только эта задача была выполнена, американские нефтяные компании "Gulf", "Texaco", "Socony Mobil" и "Standard Oil of New Jersey" получили широкий доступ к иранской нефти. В том же самом году избранный по всем правилам гватемальский президент Джакобо Арбенц Гусман начал проводить в жизнь программу земельных реформ, частью которой стала конфискация плантаций американской компании "United Fruit". Тогда ЦРУ снабдило деньгами группу правых радикалов, которые в 1954 г. с помощью пилотов ЦРУ и предоставленных никарагуанским диктатором Анастасио Сомосой самолетов избавили "United Fruit" от уготованной ей печальной судьбы. Тогда же в 1954 г. Соединенные Штаты приняли негласное участие в событиях в Индокитае — еще одним богатом естественными ресурсами регионе. Для сражений, развернувшихся между французской колониальной армией и вьетнамскими повстанцами, Америка поставила так называемых "технических советников" и летчиков ЦРУ, а также финансировала 70% французского военного бюджета. Когда французам было нанесено решающее поражение, президент Эйзенхауэр отказался подписать Женевские Соглашения, опасаясь, что пользующийся популярностью Хо Ши Мин, уже контроли-

ровавший северную часть Вьетнама, сможет добиться победы на всеобщих выборах. Вместо этого он способствовал тому, чтобы убежденный антикоммунист Нго Динь Дьем вернулся из американского изгнания и стал премьером Южного Вьетнама. В 1965 г., когда гражданская война в Доминиканской республике стала угрожать американским сахарным плантациям, президент Линдон Джонсон послал в эту страну 30 тыс. морских пехотинцев.

В последующие десятилетия отношения между Соединенными Штатами и, соответственно, Ираном, Вьетнамом и Латинской Америкой сделались не столь сердечными — возможно, это как-то связано с прежней американской готовностью, не думая о последствиях, ставить внешнюю политику на службу американским корпорациям.

* * *

Огромные размеры и техническое превосходство ведущих американских корпораций расширили сферу влияния американского капитализма куда эффективнее, чем Министерство обороны или Центральное разведывательное управление. "Coca-Cola", "Ford", "General Motors", "Heinz", "National Cash Register", "Sears", "International Business Machines" и многие другие компании экспортировали в самые отдаленные уголки земного шара не только свою продукцию, но, что было куда важнее, свои рыночные и производственные технологии в форме заводов и оборудования для них, центров продажи и обслуживания рекламной техники. По мере того, как обитатели остального мира приобретали вкус к благам американской технической цивилизации и способность платить за произведенные в их же собственных странах американские продукты, сами американцы наслаждались непрерывно усиливающимся потоком дивидендов и гонораров со всех уголков нашей планеты.

Американские многонациональные корпорации отнюдь не обкрадывали те страны, где они размещали свои предприятия, сохраняя, однако, строгий контроль над

ними. Иностранцы, которые получали там должности менеджеров среднего уровня, как правило, обладали меньшей свободой в принятии решений, чем их американские коллеги. Например, автомобильная корпорация "Дженерал Моторс" в рутинном порядке снабжала своих иностранных менеджеров трехсотстраничным сборником инструкций, во всех деталях описывающим производственные требования и процедуры фирмы. Жителям других стран редко предоставлялась возможность заполучить свою долю от рыночных успехов американских фирм в этих странах. Фирма IBM предпочла вообще изъять из Индии свои инвестиции, чем продать своим индийским партнерам менее чем 50%-ную долю акций предприятий IBM в Индии.

Фактически уже само употребление термина "филиал", используемого для обозначения иностранных отделений американских корпораций, помогает понять, почему обитатели других стран испытывали сомнения по поводу своих отношений с американцами. Они не только ощущали свою зависимость от экономических интересов Соединенных Штатов из-за постоянных требований Вашингтона, чтобы заграничные филиалы американских компаний не торговали с государствами советского блока. У них возникло чувство подчиненности американским стратегическим установкам, порожденным состоянием холодной войны. В вышедшем в свет в 1967 г. полемическом трактате Жан-Жака Серван-Шрайбера "Американский вызов", написанном в очень тревожном стиле, четко проявились настроения, которые доминировали в Европе и в других регионах, где возрастало влияние американского капитализма. Автор настоятельно предупреждал, что Европа все больше уступает Соединенным Штатам (любопытно, что двумя десятилетиями позже некоторые американские комментаторы будут использовать почти ту же самую фразеологию в описаниях японского вызова Америке). "Американская промышленность, — писал Серван-Шрайбер, — победно шествует по всему миру прежде всего в силу той энергии, которую проявляют американские корпорации". Эта энергия, в свою очередь, порождается американской "высокоцентрализованной и основанной на

крупномасштабном производстве экономической системой, финансируемой и направляемой национальным правительством". Другими словами, все дело в стратегическом спаривании государственной мощи и могущества корпораций. "Самое удивительное здесь, — отмечал автор, — это стратегический характер американского индустриального проникновения. Шаг за шагом корпорации Соединенных Штатов овладевают теми секторами [европейской] экономики, ...которые обладают самым большим потенциалом роста".¹⁷

Выбор для обитателей европейского континента был ясен: "...либо строить независимую Европу, либо позволить ей сделаться придатком Соединенных Штатов"¹⁸. Как с точки зрения самого Серван-Шрайбера, так и с точки зрения большинства европейцев, первая альтернатива выглядела предпочтительнее. При этом казалось очевидным, что строительство независимой Европы требовало создания мощных национальных корпораций, которые европейцы могли бы назвать своей собственностью. В 60-е годы Великобритания предприняла слияние своих автомобильных фирм в корпорацию "British Leyland", производителей стали — в фирму "British Steel", своих неоперившихся производителей компьютеров — в компанию ICL. Автомобильным лидером Франции сделалась фирма "Renault", компьютерным — "Bull", во французской сталелитейной промышленности ведущее место заняли корпорации "Unisor" и "Sacilor"; итальянская химическая промышленность сконцентрировалась в корпорации "Montedison", стальная — в корпорации IRI, и т.п. Некоторые из этих новых национальных промышленных лидеров целиком принадлежали правительствам их стран, другие получали от них весьма значительные субсидии. Однако при любой форме корпоративной организации сделки между европейскими нациями и их ведущими корпорациями были более явными по сравнению с тем, что имело место в Соединенных Штатах.

Попробуем суммировать условия описанной выше национальной сделки середины нашего столетия. Первый пункт: ключевые американские корпорации будут планировать и осуществлять крупномасштабное производство товаров. Эта крупномасштабность приводит к появлению различных отраслей экономики, в которых окончательные усредненные затраты на единицу продукции снижаются по мере роста общего объема производства²⁹. Координация рыночной деятельности корпораций позволяет им поддерживать цены на достаточно высоком уровне, гарантирующем значительные объемы продаж и поступлений от них. Немалая часть этих поступлений вкладывается в новые предприятия и новое оборудование, но ощутимая доля их тратится на оплату труда менеджеров среднего уровня и рабочих. В ответ на это профсоюзы, выполняя свою часть сделки, воздерживаются от забастовок и приостановок работы, поскольку и то и другое мешает гладкому ходу производства. При этом обе стороны воздерживаются от такого вздувания ставок заработной платы и цен на выпускаемую продукцию, которое запустило бы инфляционные механизмы.

Правительство, со своей стороны, избегает вмешательства в принятие корпоративных решений. Оно воздерживается от любого рода централизованного экономического планирования, однако позволяет корпорациям заниматься собственным планированием, негласно координируя их цены и объемы выпуска продукции. В дополнение к этому правительство предпринимает меры для сглаживания циклов экономической активности, помогая тем самым корпорациям сохранять высокие объемы производства. Молодое поколение получает в школе такое образование, которое обеспечивает ему адекватную подготовку для будущего занятия рабочих мест, ожидающих его в этой индустриальной системе. Кроме того, правительство субсидирует приобретение новых жилых домов и строительство государственной дорожной системы, стимулируя тем самым массовое потребление. Оно

также выдает ключевым американским корпорациям оборонные контракты, косвенным образом снабжая их средствами на исследование и разработку новых технологий, пригодных для коммерческого использования. Наконец, правительство поощряет американские компании инвестировать капиталы за границей и защищает интересы американских вкладчиков.

Эта система обладала собственной логикой. Большой бизнес, профсоюзные объединения и общество в целом соглашались судсифировать массовое производство, чтобы увеличить его эффективность и снизить цены выпускаемой продукции, что, в свою очередь, даст возможность корпорациям предоставлять работу растущему американскому среднему классу, который сможет покупать и потреблять растущее количество выпускаемых ими на рынок товаров. Это была подлинно общенациональная сделка. Ни одна из сторон в этом уравнении не нуждалась в достижении доминирующего положения на иностранных рынках, что было характерно для более ранних форм меркантилизма и империализма³⁰. Зарубежные инвестиции американских многонациональных компаний рассматривались скорее как дополнительное средство укрепления этой благословенной системы и увеличения ее оборотов (а также, отнюдь не случайно, — предотвращения распространения мирового коммунизма).

Таким образом, эта сделка покоилась на неявном соглашении между ее участниками — руководителями компаний, вкладчиками, работающими по найму, и их союзами, и всем обществом, представителем которого выступало правительство, — соблюдать взаимную сдержанность, жертвуя немедленными выигрышами ради более крупных долговременных выгод для всех без исключения сторон. Это было близкой к совершенству иллюстрацией того, что Алексис де Токвиль именовал американским "правильно понятым принципом собственного интереса", побуждающим американцев приносить жертвы на алтарь всеобщего благосостояния — не из соображений альтруизма или патриотизма, но в силу ожидаемых выгод, которые могут привести такие коллек-

тивные действия. Конечно, эта национальная сделка редко обсуждалась открыто. Ее условия вырывались на поверхность, лишь когда она, казалось, грозила расстроиться — как это было, например, в 1962 г., когда президент Джон Кеннеди публично обвинил Роджера Блауфа, председателя совета корпорации "U.S.Steel", в повышении цен на сталь и тем самым в нарушении соглашения о ценах и зарплатах, достигнутого с профсоюзом сталеплавильщиков и с другими производителями стали. Эта сделка не была и всеохватывающей — ее условия не распространялись ни на черных, ни на женщин, ни на те менее благополучные государства, которые снабжали сырьем американские корпорации. Тем не менее, обещанное было выполнено: в течение почти четверти столетия американский средний класс процветал и расширялся. Европа и Япония стали участниками этого бума. Их собственные национальные сделки, более явные по сравнению с американской, покоились на той же самой логике крупномасштабного стандартизованного производства.

Кто это "мы"?

Свою собственную страну следует предпочитать всем прочим, поскольку все мы прежде всего ее дети и граждане и лишь позже можем стать путешественниками и философами.
Джордж Сантаяна. Жизнь разума (1905 г.)

В чем состоит роль отдельного государства в наше время, когда рождается всеобщая глобальная экономика, постепенно размывающая государственные границы? Надеюсь, мой ответ уже достаточно ясен. Экономическая роль государства заключается отнюдь не в том, чтобы увеличивать доходность размахивающих ее флагом корпораций или приумножать разбросанные по всему миру богатства и владения ее граждан. Подлинная задача государства — повышение уровня жизни ее граждан посредством увеличения ценности их вкладов в мировую экономику. Беспокойство по поводу национальной "кон-

курентоспособности" зачастую направлено не по тому адресу. В данном случае важно не то, чем мы владеем, а то, что мы производим.

С этой точки зрения, проблема Америки в том, что при достаточно большом вкладе некоторых американцев в мировую экономику, у большинства ее жителей он слишком мал. Поэтому и расширяется брешь между теми немногими, кто входит в первую группу, и всеми прочими американцами. Для улучшения экономического положения четырех пятых населения страны потребуются, чтобы на более состоятельные 20% ее граждан поделились своими богатствами и инвестировали какую-то их часть таким образом, чтобы в итоге возрос потенциал повышения благосостояния других американцев. Однако по мере того как экономическая верхушка страны все больше втягивается в мировую экономику, падает ее заинтересованность в качестве работы и производительных возможностях ее менее благополучных соотечественников. В этом и состоит суть сегодняшней проблемы — и нашего, и других государств.

История, однако, редко движется по прямой линии. Те, кто из стабильного улучшения (или ухудшения) ситуации в определенный период по сравнению с прошлым выводят сохранение и даже усиление той же тенденции в дальнейшем, часто в изумлении останавливаются перед реальными результатами развития. Мало ли что может случиться — произойдет землетрясение, на свет появится какая-то очень перспективная идея, где-то разразится революция, внезапно будет утрачено доверие делового мира, будет сделано научное открытие — такое, в результате которого самые, казалось бы, устойчивые тенденции необратимо изменятся. А люди поражаются тому, что они могли раньше допускать даже отдаленную возможность какого-то иного исхода. Несмотря на предсказуемую ошибочность любых предсказаний, публика продолжает интересоваться мнениями биржевых аналитиков и специалистов по прослеживанию разного рода тенденций, футурологов, предсказателей погоды, астрологов и экономистов. Вероятно, это почитание вы-

зывает не столько точность их пророчеств, сколько апломб, с которым они высказываются.

Итак, читатель должным образом предупрежден. Прямолинейная экстраполяция прошлого на будущее показала бы постоянный рост доходов символических аналитиков²¹ и устойчивое снижение благосостояния почти всех остальных членов общества. Стоимость планетарных перевозок и коммуникаций будет продолжать падать, что, в свою очередь, приведет к расширению рынка и росту спроса на услуги американских брокеров и специалистов по идентификации и решению проблем, но в то же время увеличит избыточное предложение некачественной рабочей силы. В итоге американские символические аналитики будут делаться все богаче. Напротив, шаблонные производители²² будут беднеть, и их число будет уменьшаться. Наконец, с ростом международной мобильности рабочей силы и расширением возможностей трудосберегающих технологий будет падать экономическая защищенность работников сферы услуг.

* * *

В чем состоят наши обязательства по отношению друг к другу, вытекающие из того обстоятельства, что все мы принадлежим к одному и тому же обществу, хотя и не участвуем больше в одной и той же экономике? Ответ зависит от того, насколько сильно наше чувство общественной солидарности.

Лояльность по отношению к определенному месту — будь то город, территория или страна, в прошлом более естественно сопрягалась с экономическим личным интересом. Граждане поддерживали затраты на образование, дороги и другие полезные улучшения, даже если каждый из них в отдельности в кратковременной перспективе имел шансы воспользоваться лишь частью того, на что шли его деньги, поскольку считалось, что все их жертвы в конечном счете будут щедро вознаграждены. Гражданская активность, общественные инвестиции и экономическая кооперация вполне согласовывались с токвие-

левским принципом "правильно понятого личного интереса". По мере возрастания производительности труда и благосостояния жителей страны каждый из них выигрывал от растущей способности других все более щедро оплачивать то, что им предлагалось. Коль скоро отдельный индивидuum сопротивлялся стремлению получать односторонние преимущества за счет других, так же в своем большинстве поступали и эти другие — ко всеобщему увеличивающемуся благу. Возникающие на этой основе структуры экономической взаимозависимости стимулировали и подкрепляли традиции гражданственности.

Между 1950 г. и началом 1970-х годов американская экономика как целое начала служить иллюстрацией этого принципа. Труд, капитал и широкая общественность (через избираемых ею представителей) сотрудничали в поддержке массового производства, рост масштабов которого сопровождался соответствующим повышением доходов. Последние частично вновь инвестировались в производительную сферу, вызывая еще больший ее рост, а частично возвращались к рабочим и менеджерам среднего уровня в форме высоких зарплат и разных дополнительных льгот. Как следствие, американский средний класс сильно вырос за счет притока множества новых членов, готовых потреблять то, что производила эта растущая система.

Но как только границы городов, штатов и даже государств перестают отделять друг от друга области экономической взаимозависимости, сформулированный Токвилем принцип просвещенного личного интереса оказывает все меньшее воздействие. Страны становятся регионами глобальной экономики, а их граждане — работниками на мировом рынке. Национальные корпорации модифицируются и сплетаются в сети планетарной протяженности, осуществляя свою крупномасштабную и стандартизованную деятельность в тех уголках мира, где рабочая сила дешева. Корпорации получают наивысшие доходы там, где они находят наиболее квалифицированных и одаренных людей, способных наилучшим образом концептуализировать новые проблемы и находить

их решения — туда они и переносят свою деятельность. В этих условиях характерные для более замкнутой экономики самоограничение и готовность идти на взаимные жертвы ради блага соотечественников делаются менее вероятными, во всяком случае, в прежних масштабах.

Вопрос состоит в том, достаточно ли сильны традиции гражданского поведения, чтобы противостоять центробежным силам новой глобальной экономики. Хватит ли для поддержания духа взаимного жертвования одной лишь верности месту, одного чувства гражданского долга, не подкрепленного просвещенным личным интересом? В конце концов, мы не только участники экономической деятельности, но и граждане; мы работаем на рынках и для рынков, но живем мы в своих обществах. Насколько прочными окажутся политические и социальные связи, когда разорвутся связи экономические?

Этот вопрос относится ко всем странам, подвергающимся действию глобальных экономических сил, уменьшающих зависимость граждан этих стран и разделяющих их на мировой арене на победителей и побежденных. В обществах, где национальная солидарность проявляется сильнее, равновесие между экономическими и общественными связями сдвигается в сторону последних. Невзирая на давление глобальных экономических факторов, национальная солидарность оказывается достаточно мощной, чтобы побудить победителей продолжать помогать проигравшим. Характерная для таких обществ националистическая идеологическая установка типа "мы все здесь связаны друг с другом" поконит не только на просвещенном личном интересе, но и на глубоко укоренившемся чувстве общего наследия и национального предназначения. Например, японцы, шведы, австрийцы, швейцарцы и немцы ощущают себя носителями общих культур; сила и выживание каждой из этих культур в определенной степени зависят от тех жертв на общий алтарь, которые приносят наиболее благополучные соотечественники. Это вопрос национального долга и национальной гордости. Отчасти по этой причине в этих странах различия в распределении доходов сравнительно

невелики, хотя и там глобальное разделение труда уже начинает вбивать клин между бедными и богатыми, проверяя на прочность общее стремление к экономическому равенству. Интересно, что в течение 1960-х и 1970-х годов именно эти страны продемонстрировали некоторые наиболее изумляющие рекорды роста по сравнению с прочими промышленно развитыми странами.³³

Можно ли воспитать подобные чувства и в Америке? И стоит ли это делать?

* * *

Национализм может принять опасные формы. Ведь та же самая жизненная установка "мы все здесь связаны друг с другом", которая поощряет дух самопожертвования внутри нации, государства, с легкостью способна выродиться в шовинистическое презрение ко всему иностранному. Фактически эти эмоциональные стимулы имеют тенденцию подкреплять и усиливать друг друга. В Англии считают, что граждане этой страны после победы над Гитлером уже никогда не демонстрировали столь высокой отваги и солидарности как во время войны. Холодная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом сыграла в США роль стимула и оправдания для ассигнования миллиардов долларов на дорожное строительство, образование и научные исследования. Готовность одаренных граждан Японии к многочасовой работе за относительно низкую плату ради чести соучастия в общем труде всей страны питается тем же самым эмоциональным горючим, которое делает столь трудным для японцев открытие их границ для иммигрантов и заграничных изделий.

История многократно предупреждает нас, что национализм — это своего рода "игра с нулевой суммой", т.е. основанная на предпосылке, что выиграем либо мы, либо "они", и третьего не дано. Это может привести к такой коррозии ценностей, что граждане страны будут поддерживать политику, несколько улучшающую их собственное благосостояние, но наносящую вред всем прочим

жителям планеты, что, в свою очередь, вынуждает другие страны делать то же самое в качестве самозащиты. Происходит эскалация гонки вооружений, повышаются торговые барьеры, а холодная война делается горячей. Общественная дисциплина и безоговорочная преданность своей стране, которые подвигли на жертвы японцев и немцев, породили в нашем столетии такие зверства, которые не может вместить человеческое воображение.

Ничем не ограниченный шовинизм может привести и к вырождению гражданских ценностей в своей собственной стране. Народы начинают испытывать параноидальный страх перед якобы скрывающимися в их гуще зарубежными агентами, и гражданские права ограничиваются из соображений национальной безопасности. Соседи теряют доверие друг к другу. Племенная солидарность может расколоть нации-государства на части. Те вспышки насилия, которые периодически противопоставляют друг другу турок-киприотов и греков, армян и азербайджанцев, албанцев и сербов, фламандцев и валлонов, вьетнамцев и камбоджийцев, израильтян и арабов, сикхов и других жителей Индии, тамиллов и сингалов, христиан и мусульман Ливана, печальное свидетельство преданности своей, и прежде всего своей группе.

Аргументация против "национализма с нулевой суммой" и в поддержку более широкой и более космополитической перспективы представляется особенно убедительной в свете растущего в мире неравенства. Различия в доходах между наиболее состоятельной 20%-ной группой и остальными 80% населения Соединенных Штатов выглядят пренебрежимо малыми в сопоставлении с аналогичными группами жителей всей нашей планеты. Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия, в совокупности представляющие "верхние" 20% земного населения, производят три четверти валового планетарного продукта и осуществляют 80% (по стоимости) всей мировой торговли. Эти богатые регионы уже отделены от остального мира, большая часть которого все сильнее погружается в безнадежную нищету.

Между 1970 г. и 1980 г. число людей в развивающихся

странах (за исключением Китая), страдающих от постоянного недостатка питания, выросло с 650 до 730 млн. С 1980 г. темпы экономического роста в большинстве этих стран замедлились, что привело к снижению реальной заработной платы. В Африке и в Латинской Америке в 1990 г. доходы на душу населения были значительно меньше, чем в 1980 г. Цены на товары упали; многие слаборазвитые страны страдают от задолженности международным банкам, поскольку каждый год они выплачивают богатым нациям-кредиторам более 50 млрд. долларов. В большей части третьего мира заметно разрушительное воздействие сведения лесов, почвенной эрозии и неумеренного сельскохозяйственного производства. Тем временем темпы рождаемости у бедных наций сильно превышают налоговые показатели для богатых стран. 60% из тех 12 тыс. детей, которые ежедневно рождаются на нашей планете, пополняют семьи, где средний годовой доход на человека не превышает 350 долларов. В 1990 г. на нашей планете проживало чуть больше 5 млрд. людей — к 2025 г. население Земли, согласно прогнозам, достигнет 8 млрд. человек, а к концу XXI века оно уже дойдет до 16 млрд. человек. Число живущих в крайней бедности людей драматически выросло в Бразилии, Чили, Гане, Перу, на Ямайке и на Филиппинах. Продолжительность жизни упала в девяти африканских странах субсахарского региона; выросло число смертей от недоедания среди новорожденных и детей постарше.³⁴

Фокус национального благосостояния опасным образом сузился и по отношению к ряду других проблем, для решения которых очень важно международное сотрудничество глобального масштаба: кислотные дожди, разрушение озонового слоя, загрязнение мирового океана; глобальное потепление как следствие сжигания органического топлива; гибель тропических лесов, являющихся средой обитания множества видов животных и растений; распространение ядерного оружия; торговля наркотиками; распространение СПИДа; международный терроризм. Узконационалистическая ментальность чрезвычайно затрудняет решение этих и других межгосударственных проблем.

* * *

"Национализм нулевых сумм" ставит под угрозу и глобальное экономическое процветание. Неомеркантилистская предпосылка, согласно которой выигрывает либо мы, либо "они", попросту неверна. Когда трудящиеся какой-то одной страны поднимаются по лестнице образования и профессиональной компетентности, увеличиваются и их возможности участия в приумножении мирового богатства. Например, каждый житель нашей планеты выигрывает от появления более мощных и компактных полупроводниковых микропроцессоров, кто бы их ни производил.

Конечно, страна, первой прорвавшаяся к каким-то новым экономическим достижениям, по всей вероятности, получит от этого непропорционально большие преимущества, а жители других стран могут почувствовать себя беднее ее граждан, сколь бы значительным ни был их абсолютный выигрыш. Уже с давних пор социологи отмечали феномен "относительной обделенности", в основе которого лежит человеческая склонность оценивать свое благосостояние в сравнении с богатством других. Средний житель Великобритании по абсолютным меркам живет гораздо лучше, чем два десятилетия назад, но при этом ощущает себя обедневшим, поскольку средний итальянец за эти годы выбился вперед. Когда я спрашиваю моих студентов, в каком из двух миров они предпочли бы жить: в таком, где каждый американец был бы на 25% богаче по сравнению с его нынешним реальным положением, но в то же время каждый японец обладал бы куда большими средствами, нежели средний американец, либо в таком, где американцы увеличили бы свое благосостояние лишь на 10%, но при этом, в среднем, оставались бы богаче японцев, обычно большинство делает выбор в пользу второй альтернативы. Люди вполне способны отказаться от тех или иных улучшений, лишь бы не дать возможность тем, в ком они видят своих соперников, наслаждаться большими преимуществами. Хотя эти всплески идеологии игры с нулевой суммой и можно понять, вряд ли ее стоит

рекомендовать в качестве одного из принципов международного экономического поведения. Поскольку экономический прогресс редко одаривает все страны в равной пропорции, широкое распространение подобной установки в значительной мере заблокировало бы усилия, направленные на увеличение мирового богатства.

Сегодняшняя глобальная экономическая взаимозависимость настолько глубока и всеобъемлюща, что любая стратегия, основанная на модели игры с нулевой суммой, имеет все шансы бумерангом ударить по тем, кто ее применяет. Члены ОПЕК в 70-е годы обнаружили это на собственном опыте, когда взвинченные ими до небес цены на нефть повергли мир в состояние экономического спада, но это привело к уменьшению спроса на саму нефть. Сегодня ни в одной стране ее центральный банк уже не в состоянии контролировать движение денежных масс или курс национальной валюты без помощи со стороны центральных банков других стран, равно как ни одна страна не может в одностороннем порядке, без согласия или помощи других стран, повышать у себя учетные ставки либо оперировать значительно несбалансированным бюджетом, независимо от того, сводится ли он с избытком или с дефицитом. В наши дни все развитые нации зависят одна от другой как поставщики или покупатели товаров друг друга. Японии в качестве рынка для ее товаров и зоны для инвестиций необходима сильная и процветающая Америка. Если бы в результате каких-то действий японцев настал заметный экономический спад в Соединенных Штатах, последствия были бы трагичными для самой Японии.

Но что будет, если иностранцы добьются преобладания в какой-то технологически важной области? Судя по всему, это скоро удастся японцам в сферах новейших полупроводников, телевидения высокой четкости и десятках других. И опять нам следует воздержаться от рассуждений в духе игры с нулевой суммой. Японское лидерство в отношении тех или иных технологий не остановит технологический прогресс в Соединенных Штатах или где угодно. Технологии — это не потребительские

товары, мировой спрос на которые имеет определенные границы; аналогично, они не поступают на рынок в фиксированных количествах и не должны поэтому делиться между нами и "ими". Технологии — это области знания, они подобны ветвям гигантского дерева, на котором одновременно вырастает множество других ветвей. Если американцы хотят сохранить свою долю в будущем мировом экономическом развитии, им необходимо непосредственно участвовать в исследованиях, конструировании и производстве новейших технологий; совсем не обязательно держаться за те отрасли, которые уже заняты и освоены рабочей силой какой-то другой страны.

* * *

Люди с космополитическим образом мышления, ощущающие себя гражданами мира, в состоянии видеть мировые проблемы и перспективы более четко. Возможно, лишенный сильных патриотических привязанностей символический аналитик с таким сознанием сможет противостоять искушению альтернатив с нулевой суммой и поэтому будет действовать более ответственно, чем не столь широко мыслящие граждане.

Но будет ли такой космополит с глобальным кругозором действовать в духе справедливости и сострадания к другим людям? Можно ли рассчитывать, что наши нынешние и будущие символические аналитики, не страдающие избытком ответственности по отношению к какой-то определенной стране и ее гражданам, захотят разделить свое богатство с менее благополучными жителями нашей планеты и посвятить свою энергию и свои ресурсы улучшению их шансов на соучастие в приумножении мирового богатства? Задавая эти вопросы, мы затрагиваем темную сторону космополитизма. Не обладая сильной привязанностью и не испытывая особой лояльности по отношению к тем, кто не входит в круг родных и друзей, символические аналитики, возможно, никогда не смогут развить в себе чувство социальной ответственности и привычку поступать в соответствии с ним.

Они станут гражданами мира, не принимая, однако, на себя и даже не признавая ни одного из тех обязательств, которые обычно разделяют члены гражданских обществ. Они не будут решать проблемы на базе моделей с нулевой суммой, но не исключено, что они будут сопротивляться и всем другим решениям, требующим от них верности и самопожертвования. Не будучи членами реального политического сообщества, в котором они могли бы усваивать идеалы честности и справедливости, совершенствовать их и применять на практике, они могут счесть сами эти идеалы всего лишь бессмысленными абстракциями.

Справедливости и великодушию люди обучаются. У этого обучения много корней, но один из важнейших — принадлежность к какому-то политическому сообществу. Мы учимся чувствовать ответственность за других, поскольку разделяем с ними общую историю, общую культуру и общую судьбу. Как писал социальный философ Майкл Игнатъефф, "Мы поначалу видим в себе не членов человеческого рода, но сыновей и дочерей... единоплеменников и соседей. Именно эта густая сеть связей вместе с порождаемыми ею чувствами удовлетворяет нашу потребность в чем-то реально значимом".³³

Если же мы сочтем, что с другими нас объединяет лишь человеческая природа и ничего больше, то одного этого может оказаться недостаточно, чтобы подвигнуть нас на самоограничение. Консультант по менеджменту, живущий в Чаппакве, едущий работать в башню из стали и стекла на Парк Авеню и имеющий клиентуру во всем мире, возможно, и будет ощущать несколько большую ответственность за проживающую за 3 тыс. миль бедную семью из Восточного Лос-Анджелеса, чем за отделенную от него 3200 миль семью мексиканских бедняков из Тигуаны, но нет никакой гарантии, что этого избытка привязанности хватит, чтобы направить его энергию и материальные средства на что-то конкретное. В качестве гражданина мира этот специалист может не ощущать своих особых связей ни с одним обществом.

Космополитизм способен также повлечь за собой

отстраненность, нежелание хоть что-то сделать. Даже если наш символический аналитик и безразличен к проблемам, волнующим мир, в самой своей глобальности они могут казаться ему столь непомерными и неразрешимыми, что он будет считать бесплодными любые попытки исправить положение вещей. Чувство безнадежности — злейший враг прогресса; принимая за точку отсчета бесчисленность бед и грехов нашего мира, мы перестаем верить в осуществимость какого бы то ни было реального движения вперед. Когда проблемы подобного рода рассматриваются в меньшем масштабе, скажем, применительно к малым или крупным городам, штатам или даже целым странам, они предстают вполне разрешимыми — ведь в такой системе отсчета даже небольшое улучшение может выглядеть весьма значительным. В итоге там, где человек, мыслящий в национальных или местных категориях, склонен видеть в своих личных жертвах на общий алтарь нечто героическое и потенциально эффективное, космополит может прийти в уныние от их очевидной бесполезности.³⁸

Чтобы лучше понять все сказанное, американскому читателю достаточно обратиться к своему личному опыту. Ничто не способно утихомирить реформистский пыл с большей надежностью, нежели регулярное чтение "New York Times" или любой другой из ведущих мировых газет, ежедневно в подробностях показывающих глобальные масштабы таких зол как голод, болезни, расизм, разрушение окружающей среды и политическая несправедливость. Неудивительно, что все великие общественные движения имели локальное начало. Пытающиеся одним махом переделать весь мир, зачастую испытывают трудности в привлечении верных соратников.

Короче говоря, хотя космополитическая точка зрения создает весьма полезную перспективу, позволяющую адекватно воспринимать многие проблемы нашего мира и избегать ловушек мышления, основанного на модели игры с нулевой суммой, она может отбить всякую охоту к практическому устранению тех общественных дефектов, которые она же и высветляет. Неясно, намного ли больше

выиграет человечество от обилия премудрых космополитов, невозмутимо вззирающих на грехи мира или ощущающих свое бессилие что-либо изменить и исправить, нежели от появления толпы примитивных националистов, желающих возвести свое собственное общество на высшую ступень мирового пьедестала почета.

* * *

Но следует ли выбирать между "национализмом нулевых сумм" и бесстрастным космополитизмом? Представляют ли эти позиции единственные альтернативные модели гражданства будущего? К сожалению, нынешние дискуссии об американских национальных интересах в глобальной экономике обычно ведутся как раз в терминах этой дихотомии. На одной стороне — мыслящие в духе моделей с нулевой суммой националисты, как правило, представляющие взгляды шаблонных производителей и занятых в сфере услуг. Они настаивают на том, чтобы правительство превыше всего ставило и продвигало американские экономические интересы, даже за счет интересов прочих обитателей нашей планеты. С их точки зрения, до тех пор, пока мы, американцы, не станем защищать себя с большей настойчивостью, иностранцы будут увеличивать свою долю на американском рынке, шаг за шагом проникая в ведущие отрасли американской промышленности. Эксплуатируя нашу открытость, они станут постепенно приобретать над нами конкурентные преимущества, чтобы в конечном счете лишить нас возможности самим определять свое собственное будущее. На другом полюсе — придерживающиеся идеологии абсолютной предпринимательской свободы космополиты, обычно представляющие взгляды символических аналитиков и утверждающие, что правительство просто должно воздерживаться от любого вмешательства в дела экономики. Они полагают, что стремящиеся к увеличению своих прибылей индивидуумы и фирмы куда лучше способны решать, что, как и где должно производиться; правительство же вмешательство лишь создает неразбериху.

Они убеждены, что свободное движение всех факторов современного производства через национальные границы в конечном счете благотворно скажется на судьбе каждого члена общества.

Во всех этих спорах из виду упускается куда более предпочтительная третья возможность — позитивный экономический национализм. В этой модели граждане каждой страны берут на себя основную ответственность за развитие у своих соотечественников способности вести полноценную и продуктивную жизнь, но в то же время сотрудничают с другими государствами, добиваясь, чтобы эти улучшения не осуществлялись за чужой счет. Такая позиция отнюдь не совпадает с жизненной установкой космополитического сторонника неограниченной свободы предпринимательства, поскольку поκειται она на чувстве национальной цели, на осознанных исторических и культурных коррелятах текущего политического курса. В рамках позитивного экономического национализма естественно поощрять просвещение соотечественников в новом, отвечающем потребностям времени духе, естественно добиваться более плавного перетекания рабочей силы из устаревших отраслей в более современные и способствовать ее обучению и профессиональной подготовке, а также выработать международные правила "честной игры" для достижения этих целей. Общественный характер перечисленных задач не подлежит никакому сомнению.

Описанная выше установка радикально отличается и от позиции националиста, строящего свои оценки на модели игры с нулевой суммой, поскольку в данном случае главная цель состоит уже не в том, чтобы обеспечивать процветание одной нации за счет благосостояния других стран, но в том, чтобы добиваться всеобщего благоденствия в планетарном масштабе. Речь идет не о том, чтобы разделить на всех фиксированный объем мировых доходов или дать всем долю на ограниченном рынке. В новой модели "наши" корпорации не воюют с "чужими" за господство над мировой экономикой. Вместо этого все мы становимся партнерами в предприятии, цель которого состоит в

безграничном расширении человеческих навыков и знаний. В отличие от физического или финансового капитала, человеческий капитал не имеет границ.

Такие националистические настроения имеют все шансы привести к куда большему росту мирового богатства, нежели космополитические взгляды, свободные от преданности любой отдельной нации. Подобно деревенским жителям, благодаря старательности которых в возделывании их садов изобильные плоды урожая достаются всем, граждане, ощущающие потребность в культивировании талантов и способностей их соотечественников и трудящихся на этой ниве, в конечном счете в равной мере умножают благосостояние и своих сограждан, и жителей других стран. Благоденствие каждой нации выигрывает от того, что другие страны повышают производительные возможности своих граждан. Возвращаясь к только что использованной метафоре, можно сказать, что хотя каждый садовник ощущает необходимость конкурировать с другими, он прекрасно понимает, что для успешной уборки плодов необходима взаимопомощь. Если первая обязанность каждого заключается в возделывании собственного сада, то вторая, также полностью соответствующая его собственным интересам, состоит в том, чтобы способствовать повышению урожайности всех прочих садов.

В силу всего сказанного позитивный экономический национализм не будет выстраивать торговые барьеры против товаров, производимых рабочими других стран, и не будет мешать свободному движению капиталов и идей через государственные границы. Даже если можно было бы сделать такие препятствия эффективными, это лишь уменьшило бы ту долю, которую государства получают от результатов их инвестиций в собственную экономику и в экономики других стран. Однако позитивный экономический национализм не будет противиться любому правительственному вмешательству в экономику. Вместо этого он станет поощрять самые разнообразные общественные затраты в рамках каждой страны, лишь бы эти средства использовались для обеспечения ее гражданам более полной и продуктивной жизни — например, на

финансирование дородовой и послеродовой медицинской помощи женщинам; на уход за детьми и дошкольное воспитание; на качественное образование в начальной и средней школе; на обеспечение доступа к высшему образованию, независимо от финансовых возможностей; на профессиональную подготовку и переподготовку; на улучшение инфраструктуры. Такие инвестиции составили бы ядро национальной экономической политики.

Позитивный национализм без возражений принимал бы — и даже поощрял — государственное субсидирование фирм, размещающих внутри национальных границ новейшие производства, которые выпускают продукты с высокой добавленной стоимостью (комплексное проектирование, сложные инженерные системы и т.п.), что приводило бы к повышению качества рабочей силы страны. Но в то же время этот национализм не проводил бы различий по национальности между акционерами этих фирм или их высшими администраторами. Чтобы защитить свою страну от основанных на той же идеологии нулевых сумм манипуляций по переманиванию друг у друга одних и тех же надгосударственных фирм и имеющих в их распоряжении технологий, правительствам следовало бы посредством переговоров согласовывать приемлемые для всех уровни и цели такого субсидирования. В итоге возникло бы международное агентство, нечто вроде "ГАТТ для прямых инвестиций", логическое продолжение поддержанного Соединенными Штатами после второй мировой войны Генерального соглашения по тарифам и торговле, которое устанавливало бы правила привлечения инвестиций международных корпораций, обещающих выпуск на территориях продукции с высокой добавленной стоимостью. Был бы наложен запрет на угрозы закрыть внутренний рынок, если не будут выполнены требования размещения на нем тех или иных инвестиций, поскольку такие действия могли бы способствовать развитию нового соперничества между странами. Составители правил попытались бы определить честные методы привлечения инвестиций в зависимости от особенностей экономики каждой страны и от типа вызывающих ее интерес инвес-

тиций. Например, размеры допустимых субсидий могли бы быть прямо пропорциональны размеру национальной рабочей силы, но обратно пропорциональны ее средней квалификации. Нации с большими ресурсами относительно неквалифицированной рабочей силы получали бы разрешение претендовать на большие международные инвестиции, нежели нации с меньшей и лучше подготовленной рабочей силой.

Средства для субсидий иного рода могли бы формироваться из объединенных вкладов разных стран, направляемых туда, где они могли бы принести наибольшую пользу, что уже делается Европейским экономическим сообществом. Например, нации могли бы совместно финансировать фундаментальные научные исследования, плоды которых, как правило, практически немедленно становятся общим достоянием — скажем, изучение космоса, исследование генома человека, открытие ускорителей частиц высоких энергий. (Маловероятно, что отдельные правительства будут поддерживать большое число таких проектов, поскольку их результаты открыты для использования всеми странами.) Конечно, для определения размеров вклада страны в эти фонды и субсидируемых проектов потребуются переговоры между странами-участницами.

Позитивный экономический национализм облегчил бы и отток рабочей силы из производств и целых отраслей с устаревшими технологиями или с чрезмерными мощностями. Это могло бы делаться с помощью компенсационных выплат, субсидирования транспортных расходов при смене места жительства, дополнительного финансирования профессиональной переподготовки, увеличения пособий по безработице, региональной экономической помощи, выделения средств на техническую модернизацию существующего оборудования. Поскольку от сокращения избыточных производств в конечном счете выигрывают все страны, подобные субсидии могли бы предоставляться объединенным фондом, совместно созданным всеми государствами. Размеры платежей отдельных стран в этот фонд могли бы определяться в соответствии с начальной

долей производственных мощностей подлежащей субсидированию отрасли промышленности, которая приходится на каждую страну.

Наконец, позитивный экономический национализм стремился бы улучшать качество трудовых ресурсов стран "третьего мира", причем делалось бы это не для того, чтобы воспрепятствовать продвижению мирового коммунизма или стабилизировать находящиеся там у власти режимы, давая тем самым возможность международным корпорациям беспрепятственно получать там сырье и продавать свою продукцию, но чтобы способствовать развитию этих стран и этим приумножать мировое богатство. На достижении этой цели благотворно сказался бы перевод массовых стандартизованных производств в страны "третьего мира", причем для них открылись бы рынки развитых стран. Последние уменьшили бы бремя тяготеющих над "третьим миром" долгов, открыли бы для этих стран возможность получать новые ссуды, но при этом следили бы за использованием одалживаемых средств более внимательно, нежели в прошлом.

* * *

Давление глобальных перемен раскололо американский электорат. Тяготеющие к национализму нулевых сумм стандартные производители и занятые в сфере услуг обеспокоены тем, что иностранцы, в особенности японцы, захватывают национальные богатства Америки и исподволь влияют на ее политический курс. Они испытывают враждебность к низкооплачиваемым рабочим Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, оттягивающим на себя множество рабочих мест из американских отраслей массового стандартизованного производства и к тому еще, кажется, наводняющих крупнейшие американские города. Символические аналитики, симпатизирующие идеалу ничем не ограниченного космополитического предпринимательства, не испытывают особого беспокойства из-за экономических неурядиц других американцев и в то же время не верят в свою способность что-то улучшить в

хитросплетениях сложных проблем в остальном мире.

Другими словами, ни одна из этих групп избирателей не испытывает естественной склонности к позитивному национализму. Те, кому угрожает международная конкуренция, опасаются, что могут слишком много потерять и слишком мало выиграть от стратегии приумножения богатства всего мира. Напротив, получившие сегодня много преимуществ от размыwania национальных границ, чувствуют, что их потери от направленного на глобальное распространение этих выгод государственного вмешательства могут быть слишком значительны, а выигрыш не слишком велик.

Вывод достаточно ясен. Если предсказывать будущее на основе экстраполяции существующих уже сегодня тенденций, то можно ожидать, что космополитизм неограниченного предпринимательства станет доминирующей экономической и социальной философией Америки. Если процесс международного разделения труда будет развиваться в соответствии со своей внутренней логикой, то он не только усилит имущественное неравенство между нациями, но, возможно, также уменьшит готовность победителей в масштабах мира сделать что-нибудь, чтобы повернуть вспять эту тенденцию в национальном или более широком масштабе. Символические аналитики, которые держат козырные карты в этой игре, могут быть уверены в своей "победе". Но как быть побежденным?

Мы переживаем сегодня один из редких в истории периодов: глобальный конфликт, судя по всему, перестал реально угрожать человечеству, а экономические и технологические перемены постепенно размывают границы между государствами. Нации-государства нового времени, некоторые с двухвековой историей, сейчас уже не те, что раньше: уходит в прошлое национализм, в основе которого - практический расчет, вытекающий из экономической взаимозависимости соотечественников, и обеспечение безопасности против внешней угрозы. Поэтому сегодня и мы сами, и любое другое общество получили возможность заново определить, кто мы такие, почему мы связаны друг с другом и чем мы обязаны друг другу и

другим обитателям нашей планеты. Выбор решения принадлежит нам самим. Нас не должны порабощать ни пережитки прошлого, ни тенденции настоящего. Мы можем, если на то будет наша воля, заявить, что наши взаимные гражданские обязательства шире рамок нашей экономической полезности друг другу — и действовать соответственно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Ch. W. Cole. *Colbert and a Century of French Mercantilism*, Vol.1, New York World, 1939, p.337.

² См. F.Braudel. *Civilisation and Capitalism, 15th-18th Centuries*, Vol.2, *The Wheels of Commerce*, New York, Harper and Row, 1984, p.205.

³ Rene Gandilhon. *Politique Economique de Louis XI*, Paris, 1941, pp. 416-417. (Цит. по F.Braudel. *Op. cit.*)

⁴ Isambert. *Recueil Generale des Anciennes Lois Francaises*, Paris, 1829, p.283. (Цит. по F.Braudel. *Op.cit.*) По поводу меркантилизма см. классическое исследование Eli F. Hecksher, *Mercantilism*, rev. ed. 2 vols.; New York, Mackmillan, 1955.

⁵ Цит. по: L. Hacker. *American Capitalism: Its Promise and Accomplishment*, New York, Van Nostrand, 1957, p.23.

⁶ Edmund Burke. *Reflections on the Revolution in France*, 1790, vol. 2, New York, Penguin, 1968, p.221.

⁷ *Ibidem*, p.321.

⁸ J.S. Mill. *Representative Government*. - In *Utilitarianism, On Liberty, and Representative Government*, London, Everyman's Library, 1910, p.243.

⁹ F.Brunot. *Histoire de la Langue Francaise des Origines a 1900*. Vol. 6, Pt.1, Paris, Renard, 1935, p.135. Приводится по: Shafer. *Nationalism: Myth and Reality*, New-York, Harcourt, Brace, & World, 1955.

¹⁰ T.Davies, ed. *Bolingbroke's Works*, vol. 17, London, 1775. Однако националистические чувства возбуждали не всех интеллектуалов XVIII столетия. Одновременно с ростом

национальной идеи укреплялось и представление, что долгом людей является верность всему человечеству. Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин считали себя гражданами мира — точно так же, как Гете, Шиллер и Кант в Германии, Вольтер, Дидро и Гельвеций во Франции, Голдсмит и Юм в Англии. Для них на первом месте стояли универсальные права и обязанности человека.

11 В 1784 г. протестантский теолог И.Г. фон Гердер призвал немцев перестать подражать французам и начать развивать свой собственный национальный характер — общий германский дух или Volkgeist. Он объяснял, что и другие национальные группы имеют свой собственный Volkgeist, к раскрытию которого они и должны стремиться. См. *Ideas on the Philosophy of the History of Mankind*, 1784.

12 *The Wealth of Nations*, 1776. New-York, Modern Library, 1937, p. 408.

13 *Ibidem.*, p. LVII.

14 J.C. Hamilton, ed. *Report on the Subject of Manufactures*. - In: *The Works of Alexander Hamilton*, Vol. 7, New-York, 1850-1851.

15 *Ibidem.* Один из преемников Гамильтона на посту секретаря по делам казначейства Альберт Галлатин сделал в 1810 г. замечание относительно экспортных проблем Америки, возникавших на тех рынках, где она встречалась с английской конкуренцией. Его аргументы перекликаются с сегодняшними дискуссиями по вопросам американо-японской конкуренции. Согласно Галлатину, "единственное сильное препятствие, которое должны преодолевать американские производители, порождается наличием у Великобритании гораздо большего капитала, что позволяет ее купцам предоставлять своим клиентам чрезвычайно долговременные кредиты, продавать с небольшой прибылью и идти на другие уступки". Цитата приведена в: *Jacob Viner. Dumping: A Problem in International Trade*. Chicago, University of Chicago Press, 1923, p. 38.

16 Цит. по: H.W. Furber (ed.). *Which? Protection of Free Trade*. Boston, Boston Publishing Company, 1888, p.551.

17 Цит. по: F.W. Taussig (ed.). *State Papers and Speeches on the Tariff*, Cambridge, Harvard University Press, 1892, p. 275.

18 *Ibidem.* Немецкий экономист Фридрих Лист перенес идеи Гамильтона и Клея на германскую почву. В работе "Национальная система политической экономии" (1840 г.) Лист утверждал, что любая нация, стремящаяся к богатству и цивилизованности, должна развивать собственную промышленность и финансы. Лист считал, что для защиты молодой германской индустрии от технически лучше оснащенных английских производителей потребуется хотя бы временное введение покровительственных тарифов.

19 *Ibidem.*, p.213.

20 Это утверждение содержится в речи Клея в палате представителей (1818 г.). См.: *Calvin Colton (ed.). Works of Henry Clay*. Vol. 5, New-York, 1857.

21 Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Bk. 2, Ch. 8. New York, 1862.

22 *Ibidem*, Ch.4.

23 E.P. Cubberly. *Public Education in the United States*. Houghton Mifflin. Boston. 1934.

24 William Baldwin. *The Structure of the Defense Market*, 1955-1964. Durham, N.C. Duke University Press, 1967, p. 21.

25 K. Kaysen. *The Corporation: How Much Power: What Scope?* - In: *Edward S. Mason (ed.). The Corporation in Modern Society*. Cambridge. Harvard University Press, 1959, pp. 86-89.

26 "Fortune", July 1955, p. 23.

27 Jean-Jacques Servan-Schreiber. *The American Challenge* (American Ed.). New York, Penguin Books, 1969, p.210.

28 *Ibidem*, p. 211

29 Говоря о таких экономиках, автор использует принятый в американской литературе термин "масштабная экономика" — *economies of scale*. Противоположное понятие "*diseconomies of scale*" относится к тем производствам, где средние затраты на единицу продукции увеличиваются с ростом объема производства (примечание переводчика).

30 Меркантилизм — особенно распространенная в XVII и XVIII столетиях экономическая концепция, согласно которой могущество страны определяется превышением ее экспорта над импортом с соответствующим накоплением драгоценных металлов. Идеи меркантилизма были убедительно опровергнуты Адамом Смитом, показавшим, что реальное богатство каждой страны создается не запасами драгоценных металлов, а ее ресурсами и производимыми ее экономикой продуктами (примечание переводчика).

31 Этим термином автор обозначает группу людей, занятых в сфере выявления, постановки и решения различного рода проблем; в нее входят, например, математики и системные программисты, физики и биотехнологи, юристы, финансисты, специалисты по рекламе, различного рода менеджеры высших уровней и т.п. — Примечание переводчика.

32 В терминологии автора это те, чья трудовая деятельность ограничивается выполнением более или менее стандартных операций — "синие воротнички", клерки, менеджеры низших уровней и т.п. На эту группу к 1990 г. приходилась примерно четверть всех рабочих мест в США. — Примечание переводчика.

33 О "состоянии интенсивного развития" современной Японии уже много написано. Южная Корея и Гонконг, которые ортодоксальные идеологи свободного рынка в свое

время многократно объявляли образцами неограниченного экономического индивидуализма, при ближайшем рассмотрении выглядят на удивление похожими на своего более развитого северного соседа. См., напр., Alice Amsden. *Asia's Next Giant*. New York, Oxford University Press, 1989 b M. Castells and L. Tyson. "High Technology and the Changing International Division of Production". In: R. Porcell (ed.). *The Newly Industrializing Countries in the World Economy*. Boulder, Colorado, Lynne Rienner, 1989. Конечно, Австрия, Швейцария и Швеция идут другим путем. Но и эти страны характеризует наличие системы внутреннего регулирования, смягчающей условия жизни их наименее удачливых граждан и вынуждающей наиболее обеспеченных идти на определенные жертвы. См., напр., Peter Katzenstein. *Corporatism and Change: Austria, Switzerland, and the Politics of Industry*. Ithaca, N.Y. Cornell University Press, 1989.

34 См. "Global Outlook 2000", New York, United Nations, 1990, pp. 202-221, 285-297.

35 Michael Ignatieff. *The Needs of Strangers*. New York, Viking Penguin, 1985, p.29.

36 Jonathan Glover. *It Makes No Difference Whether or Not I Do It*. Supplemental Proceedings of the Aristotelian Society. New York, 1975.